

9(с. 26. 1)
Н 72

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 5-й

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
академика Б. Д. ГРЕКОВА



9(47)
H-72

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НОВГОРОДСКАЯ СЕКЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

9 (с 126.1)

H72

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 5-й

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
академика Б. Д. ГРЕКОВА

663543

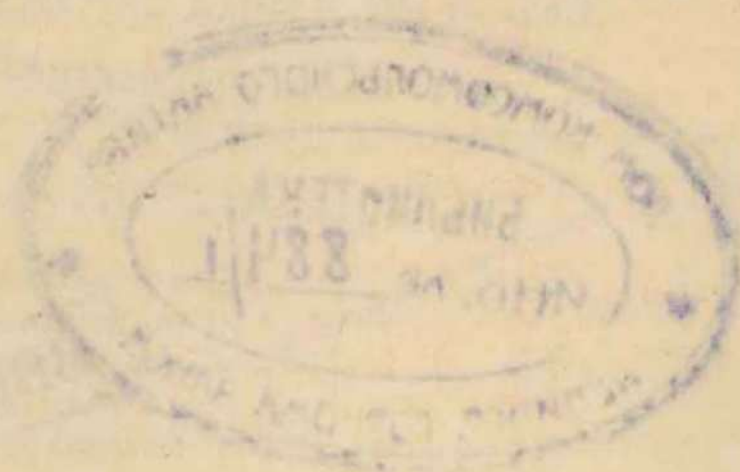


ВВІРЕНО 1961 Р.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

НОВГОРОДСКАЯ
ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сдано в набор 10 октября 1939 г. Подп. к печ. 3 января 1940 г.
3 1/2 л. листа. Печ. знаков в 1 л. л. 46.080
Бумага 62x94 1/2. Лекторлит № 111. Зак. № 2362
Тираж 5000 экз.



Ответственный редактор Б. Д. Греков.
Технический редактор Б. В. Куприянов.
Корректор В. Ф. Полежаев.

РАСКОПКИ В НОВГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ В 1938 ГОДУ

Раскопки в Новгородском Кремле впервые были предприняты в его южной части в 1910 году. Однако эти работы не оставили почти никакого следа, так как велись очень несовершенным способом шурфов и траншей и, кроме того, материалы по фиксации раскопок не сохранились и не опубликованы исчерпывающим образом, что и понятно, поскольку раскопки в Кремле, так же как и раскопки В. С. Передольского, велись в целях, обычных для дореволюционной археологии. Это было типичное собирательство, коллекционирование древностей, без связи с задачами, стоящими пред исторической наукой.

Археологические раскопки Кремля представляют большой интерес, так как Кремль связан с древнейшими периодами истории Новгорода.

Первое летописное известие о строительстве здесь новой крепости относится к 1044 г.: „на весну же Володимир заложи Новгород и сдела его“¹. Этот факт, а также сооружение в 989 г. деревянной тринадцативерхой Софии на территории Кремля побудило нас искать место древнейшего поселения именно здесь².

В дальнейшем мы знаем Кремль уже как политический центр города. Здесь в X—XI в. была княжеская резиденция, затем Кремль стал оплотом новгородского боярства, захватившего верховную политическую власть в свои руки, в результате ограничения прав князя и перенесения княжеского двора на Городище.

Во время бурных восстаний ремесленников и крестьян против боярства бояре около Софийского собора собирали вече в противовес вече на Ярославовом дворе, созываемому восставшими.

Кремль был густо заселен, главным образом, влиятельными боярами и дворянами новгородского архиепископа, резиденция которого занимала северную часть Кремля.

¹ I. Н. А.

² I. Н. А.

Издавна территория Кремля делилась на три части: Владычный двор (северный участок), Буевище (средн. часть) и околоток (южный участок).

В XVI в. здесь находились: три государевых двора — Сытный, Житничный и Пушечный, двор архиепископа, два двора наместничьих, два двора дьячьих и сто один разных дворов¹.

В 1623 г. здесь было 162 двора, 30 лавок и 20 церквей².

* * *

Южная часть Кремля представляет наибольшие удобства для ведения многолетних археологических раскопок, вследствие своей незастроенности. Для лучшего выяснения характера культурных слоев нами был заложен разведочный раскоп в 102 кв. метра у Спасской башни, где, по данным письменных источников, должна была проходить Пискупья улица, через проездные ворота этой башни. Близость каменной башни и стен Кремля облегчала более точную датировку культурных слоев. Работы производились в течение более 2-х месяцев, с 20 июля по 26-е сентября 1938 г. Верхние слои, мощностью от 1,25 до 1,50 метра, представляли собой позднейший навал.

На глубине 1,05 м. в юго-западной части раскопа открылся слой крупного строительного мусора: кирпич, большие куски светлой известняковой плиты, красного ракушняка, известковой связки. Этот строительный мусор, повидимому, относится к церкви при Спасской башне, разобранной в XVIII столетии.

В западной трети раскопа, на глубине 1,45 метра, был открыт кирпичный пол, уходящий в западную, северную и южную стены раскопа. Кирпич, из которого состояла вымостка пола, имел размеры: 14×25 см. и 14×27 см. Указанная вымостка была выстлана кирпичом в один ряд, под которым находились слои глины и песка толщиной до 10 см. Ниже лежали крупные валунные камни, почва под которыми была укреплена густо забитыми трехгранными (в сечении) дубовыми сваями. Как выяснилось при дальнейшем углублении раскопок, длина их достигала 2,25 метра.

В юго-западном углу раскопа, среди камней и щебня на глубине 1,90 м., был найден костяк человека со смещенным черепом и позвоночником. Ступни ног отсутствовали, левая берцовая кость в нижней части отрублена. Состояние костяка наводит на мысль о том, что это не обычное погребение умершего, а захоронение казенного, что вполне возможно, так как в XVII—XVIII вв. южная часть Кремля принадлежала правительству и неподалеку от места раскопок находилась в Златоустовской башне тюрьма.

¹ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб. 1911, стр. 222.

² Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Москва. 1808 г.

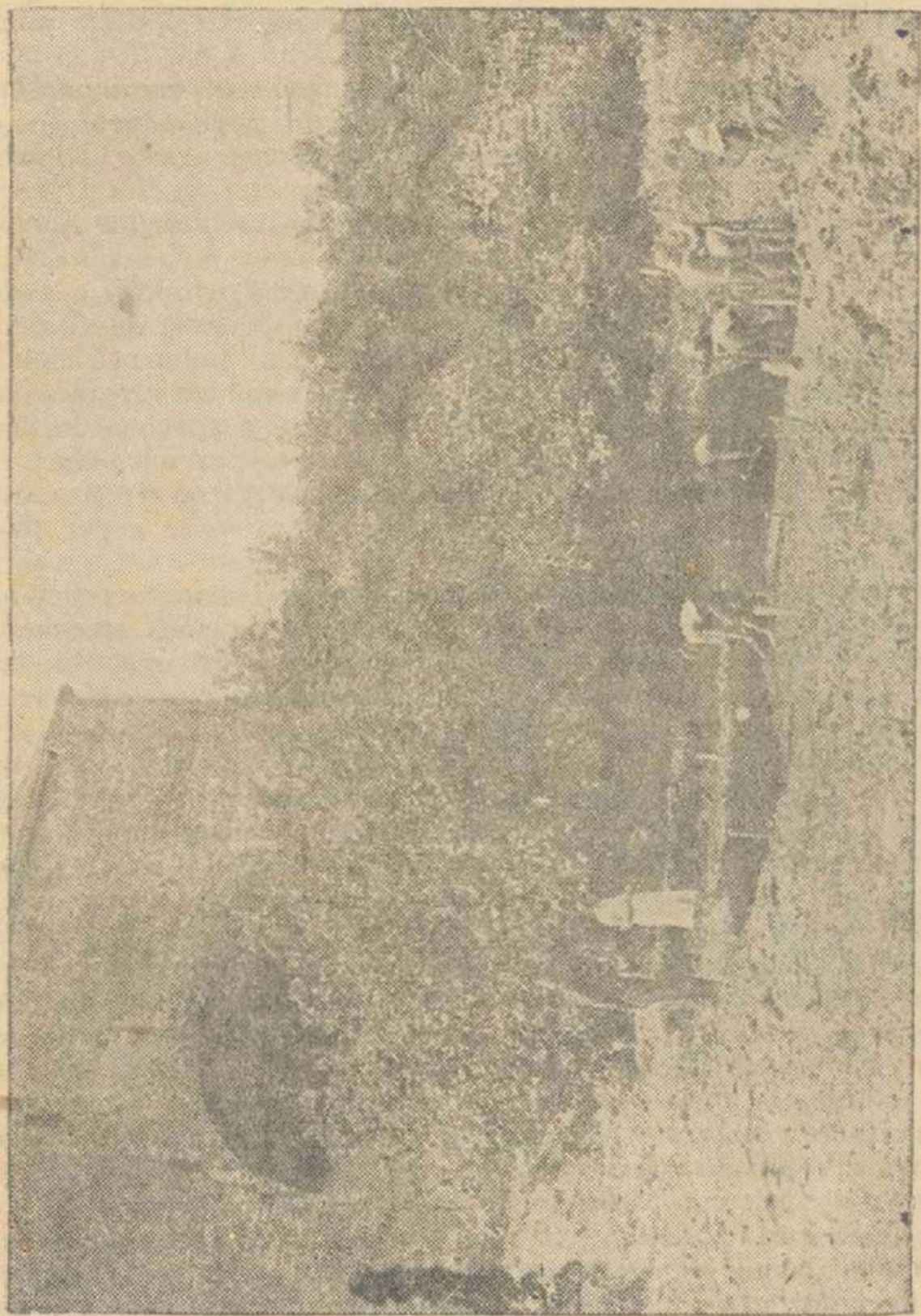


Рис. 1. Начало раскопок в Кремле в 1938 г.

В юго-восточном углу раскопа на глубине 1,60 метра и 1,72 м. были раскопаны два другие костяка, у одного из которых совершенно отсутствовали кости ног ниже колена. Положение всего костяка явно указывало на то, что человек не был похоронен по правилам погребального обряда, а просто брошен после казни.

Древнейшая новгородская улица. В центральной части раскопа, на глубине 1,90 м., были обнаружены остатки деревянной мостовой, идущей по направлению из Кремля к проездным воротам Спасской башни. Всего настилов мостовой оказалось 15. Последняя мостовая лежала на глине и датируется нами концом X века.

По направлению к Спасской проездовой башне ширина настила постепенно суживается. По сторонам мостовой второго настила были устроены специальные водосточные сооружения: деревянная труба с востока и кирпичный жолоб с запада. Такое сочетание улицы со своеобразной канализационной системой свидетельствует о высоком уровне русской культуры XVII в. и в археологической практике в северо-западной части Руси встречается впервые.

Начиная с третьего настила и до последней трехрядной мостовой, по обеим сторонам от улицы найдены различные деревянные сооружения.

Интересная картина раскрылась при расчистке самой нижней мостовой дороги, по обеим сторонам которой находилось массивное ограждение, особенно хорошо сохранившееся с восточной стороны, причем дальнейшая расчистка плах показала, что они состоят из различных пород дерева: сосна, ель, дуб, береза; также обработка плах говорила о различном времени их укладки. Часть из них сверху была стесана, часть круглых неокоренных и окоренных плах. Открылась мощеная деревом улица, включающая в себя три ряда тонких бревен, имевших в основании лаги. Существовала она на протяжении более полутора столетий с конца X до XII вв. и постоянно поддерживалась при помощи частичной замены обветшавших и попорченных частей. Самый последний, хорошо сохранившийся в северной половине раскопа ряд из круглых бревен лежал на предматериковой глине, таким образом вскрыт дорожный настил из трех рядов бревен, обнесенный по краям массивным ограждением. Ограждение состояло из толстых вертикальных столбов с пазами, в которые были вставлены стесанные концы горизонтально лежащих друг на друге бревен, расположенных в три ряда. Диаметр вертикальных столбов — 22 см., а горизонтальных бревен — 15 см. Высота всей изгороди 40 см.

Ширина улицы на исследованном участке, в верхних ярусах, нигде не превышала 4 метров, а в нижних — доходила до 2½ метров. Каждый помост состоял из двух рядов: в верхнем ряду поперек улицы лежали плотно пригнанные одна к другой массивные деревянные плахи, обращенные плоской стесанной частью наверх и закругленные книзу, причем в закругленной части вырубались три глубоких выемки, которыми они клались на лаги. В количестве

3-х штук, шедших в направлении улицы и являвшихся вторым рядом каждого помоста. Техника уличного замощения — обычная, несколько отличалась выше описанный нижний помост.

Общее направление уличной трассы за все существование улицы не менялось и шло из северной части Кремля по направлению к проездным воротам Спасской башни.

Сопоставляя данные описанных раскопок с указаниями письменных источников, мы пришли к выводу, что обнаруженную улицу следует считать южной оконечностью древней Пискуплей (Епископской) улицы. Первые летописные упоминания о ней¹ связаны со временем существования первого дубового Софийского собора, стоявшего на Пискуплей улице.

Впоследствии на том же месте у Епископской улицы с XII в. находилась каменная Борисоглебская церковь.

Само название улицы Епископской, а также указание на то, что в южной части Кремля находился ее конец, говорит за то, что эта дорога шла мимо двора архиепископа, расположенного в северной части Кремля в южном направлении к проезду Спасской башне, и выводила в Людин (Гончарский) конец.

По данным письменных источников XVII в., устанавливается северная часть этой улицы, проходившая между архиепископским двором и восточной линией кремлевской стены. Этот участок Епископской улицы выводил в Неревский конец Новгорода через проездные ворота Владимирской башни.

Таким образом Епископская улица является одной из древнейших новгородских улиц. Она была важнейшей магистралью Кремля, пересекавшей его с севера на юг.

Вещевые находки на мостовых состояли главным образом из керамики, мелких фрагментов кожи, кованых гвоздей, подковы. На шестом настиле был найден небольшой нож, очень хорошей сохранности, относящийся к XVI веку. Особо богат находками



Рис. 2. Раскопки в Кремле; разрез мостовых X—XVII в.

¹ Новгородская летопись под 1146 г.

нижний помост, в самой нижней части которого был найден ^Ткупеческий кошелек с бронзовыми весами, разновесами и др. предметами XI в.

Канализационная система XVII в. В слоях XVII в. по сторонам описанной улицы были найдены деревянные водопроводные трубы и кирпичные жолоба. Деревянная круглая труба шла с восточной стороны улицы и имела небольшой уклон с севера на юг. Труба вместе с уличным настилом проходила через проездной пролет Спасской башни. Таким образом, обнаруженный водосток служил в древнее время для вывода воды в Кремлевский ров. Открытый участок трубы состоял из 2-х частей, имевших сложный стык.

Обе части трубы делятся на верхнюю и нижнюю половины, плотно наложенные одна на другую.

К моменту открытия трубы вода продолжала поступать по трубе. Общий диаметр трубы (включая толщину стенок) равнялся 33 см.

Параллельно западному краю мостовой, на том же уровне, что и канализационная труба, шел кирпичный жолоб, сильно поврежденный в средней части строительным мусором, камнями и плитой, которыми он был засыпан в XVIII в. Время устройства жолоба и описанной трубы соответствует второму настилу и должно относиться к концу XVII в. Дно жолоба состояло из продольно положенных в один ряд кирпичей. Боковые стенки жолоба выложены наклонно поставленными кирпичами. К жолобу, соответствующему направлению дороги, почти под прямым углом, примыкал другой, шедший вдоль южной стены раскопа общим направлением с запада на восток (повидимому, от Княжей башни).

Второй жолоб оказался менее поврежденным и позволил полностью установить его первоначальное устройство: кирпичное дно было застлано двухметровыми тесинами, сверху жолоб закрыт деревянными досками; боковые кирпичные стенки жолоба обложены и укреплены снаружи деревом.

Подобная конструкция описанного жолоба позволяет считать его системой закрытого дренажа, служившего для собирания и отвода кремлевских грунтовых вод в ров.

Деревянная конструкция. В юго-восточном углу раскопа на глубине 2,15 метра обнаружена деревянная конструкция, которая представляла из себя систему, состоящую из массивного горизонтального бруса, вертикальных столбов и подкосов. Горизонтальный брус был сделан из толстого бревна, диаметром в 26 см. Оба конца бруса стесаны, имели прямоугольное сечение и были вставлены в сквозные пазы двух столбов. Для прочности соединения со столбами брусья были заклинены. Каждый из столбов, удерживавших конец бруса, подкреплялся другим массивным столбом, подкосами и более мелкими бревнами.

Описанная конструкция, поставленная в XVII в., представляла какой-то сильный упор, испытывавший на себе давление с юго-запада. Выяснить назначение этого упора более точно будет

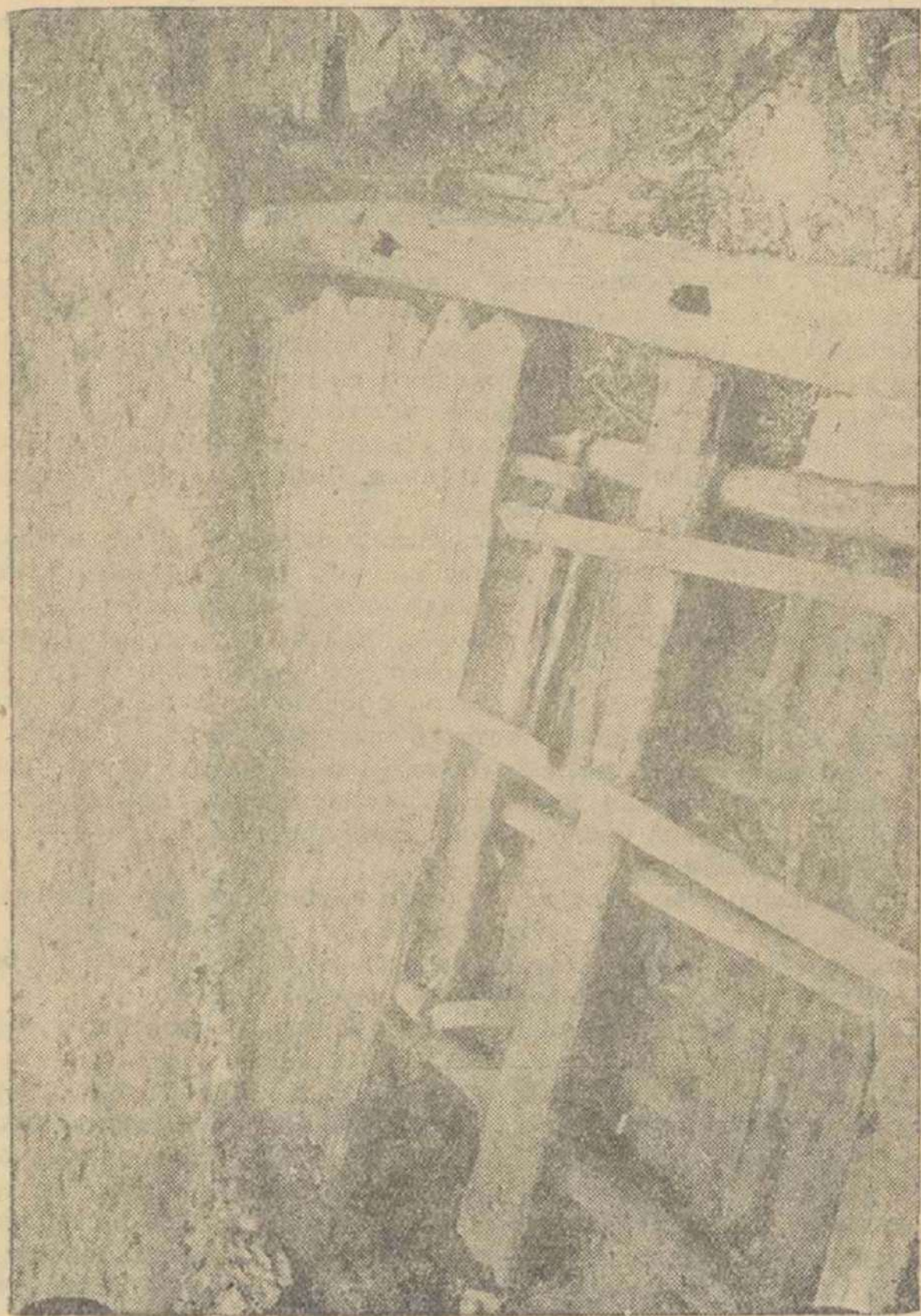


Рис. 3. Раскопки в Кремле, мостовые и канализационная труба.

возможно только при дальнейших раскопках участков, смежных с раскопом 1938 г.

Мастерские по обработке шерсти и сапожная. В восточной трети раскопа, на глубине 2,47—2,67 метра, на урвне нижних частей описанной деревянной конструкции, были обнаружены остатки мастерской по обработке шерсти, площадью около 9 кв. м., располагавшейся вдоль восточного края дороги С противоположной стороны от дороги к срубам примыкали остатки сеней с дощатым полом. В сенях сохранилась деревянная бочка, диаметром в 48 см., выдолбленная из одного толстого осинового дерева. Верх бочки был обломан. Наибольшая высота ее сохранившихся стенок равняется 55 см.

В самом срубе, в сенях и за пределами постройки было найдено большое количество шерсти, лежавшей сплошным слоем до 15 сантим., местами же до 20 см. В юго-западном углу сруба находились остатки очага, состоявшего из камней. В очаге были обнаружены крупные куски керамики от нескольких горшков и большое количество зерен овса. К востоку от очага, кроме овса, лежало большое количество зерна вики. Остатки сруба, а также зерно носили явные следы пожара.

К югу от сруба находилась сапожная мастерская, от которой сохранился только один очаг из камней, обложенный досками, размером 72×60 см. В очаге лежали обломки керамики, обгорелое дерево и зерна овса. На участке, где находился этот очаг, к востоку от него, на площади более 4-х кв. метров было громадное скопление отходов сапожного производства: обрезки кожи, подошвы, подметки, задники, остатки поршней, ремни, каблуки и ножи. Тут же лежало донышко от кадушки и деревянная лопатка.

Сапожная мастерская примыкала к мастерской по обработке шерсти, отделяясь от нее двойной дощатой стеной, от которой сохранились нижние части.

Обе указанные мастерские, судя по глубине культурного слоя и по вещевым находкам, относятся к XVI ст. Они погибли от пожара, и позже на этом месте ставился сруб, угол которого был обнаружен в северной стене раскопа (глуб. 1,96 м.).

Кузнечная мастерская. Если с востока от мостовой были обнаружены мастерские—сапожная и по обработке шерсти,— то с запада от мостовой на всей площади раскопа находилась кузнечная мастерская, более поздняя по времени, чем вышеописанные мастерские. Обнаружена на глубине 220 см. Посередине площади стоял хорошо сохранившийся круглый деревянный постамент для наковальни. Его диаметр равнялся 60 см., высота 55 см. Вокруг него находился большой слой угля, шлака, железные отходы и остаток бронзового ключа. Дальнейшая расчистка показала, что слои угля и шлака залегают на 70 см. до глубины с 2,10 м. до 2,80 м. и на 60 см. ниже того времени, когда был поставлен упомянутый постамент для наковальни. Таким образом выясняется, что на этом месте кузница существовала в XVI и XVII ст.

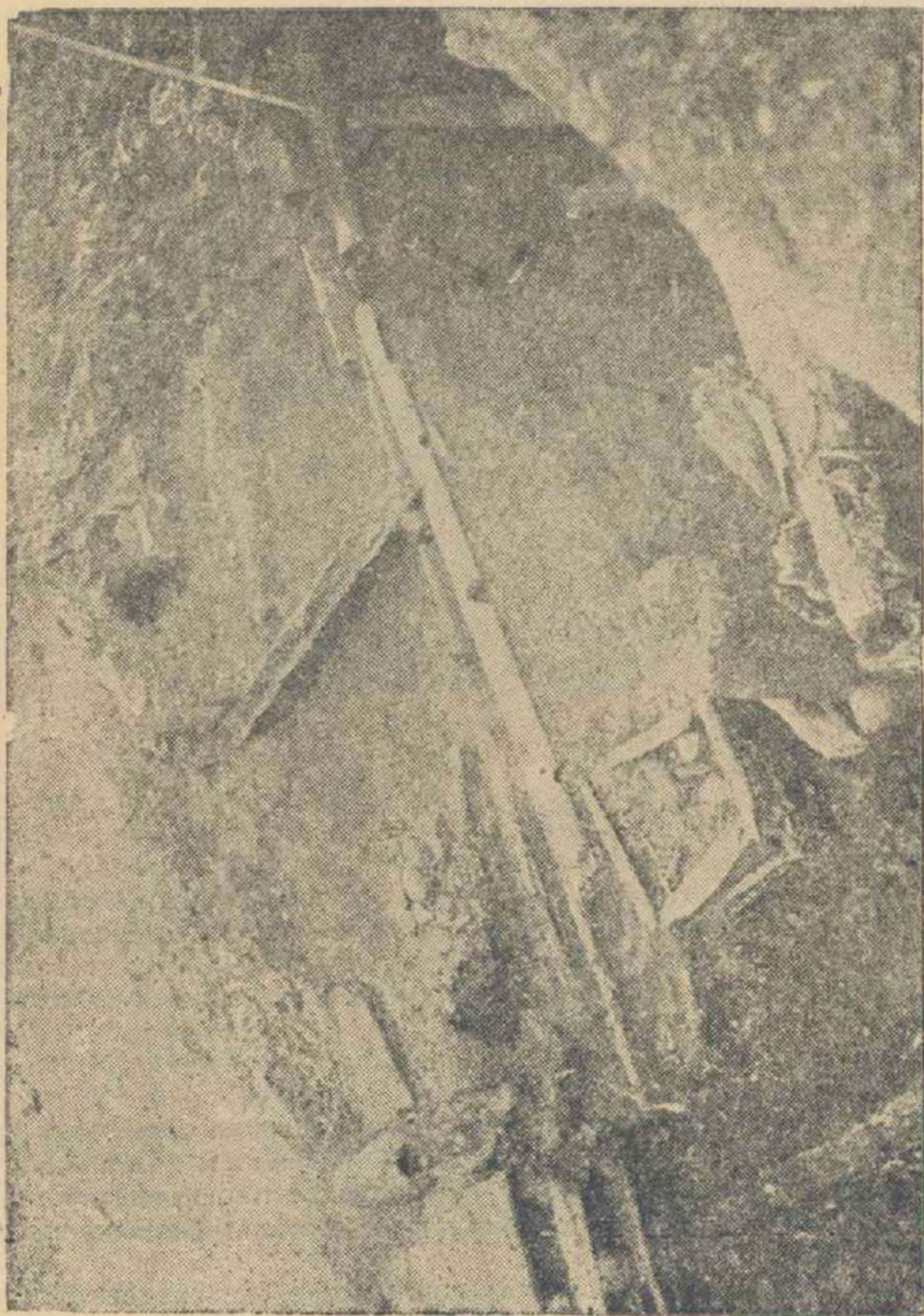


Рис. 4 Расколки в Кремле; срубъ двух мастерскыз (шерстобойной и сапожной); два очага.

В западном конце кузницы стояла бочка из целого дерева, диаметром в 47 см., такая же, как и ранее описанная.

Мастерская по обработке кости. В северо-западном углу раскопа, на глубине 2,70 м., был открыт небольшой сруб, состоявший из пяти венцов, рубленых в чашку. Два верхних венца были плохой сохранности. В срубе и вне его было найдено 405 штук пиленых костей — отходов мастерской. Также найдены и изделия из кости этой мастерской, позволяющие судить о технике обработки кости.

Наблюдения над найденным материалом из кости показали, что для обработки употреблялись главным образом средние части

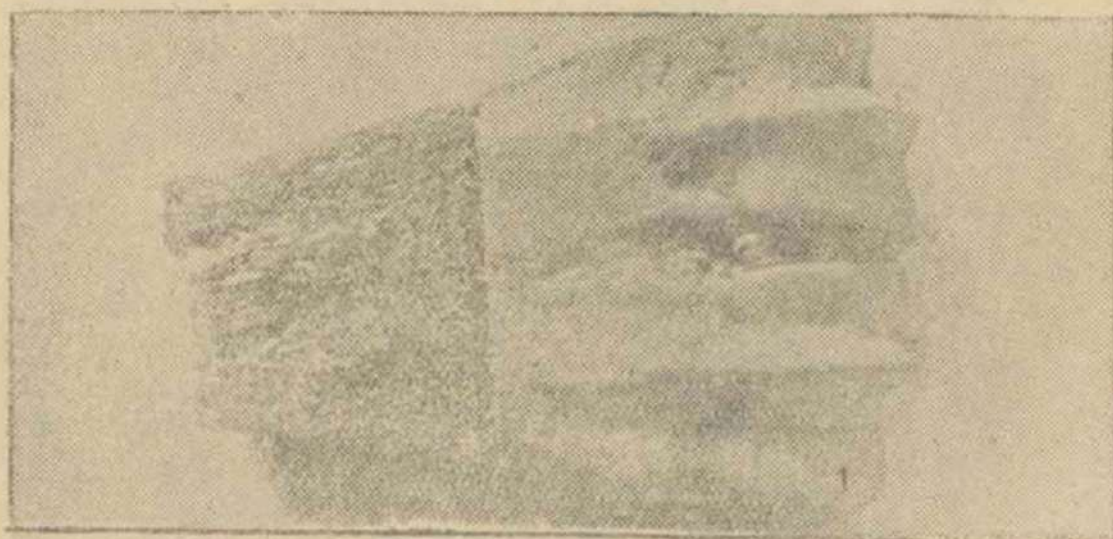


Рис. 5. Пиленая кость (материал для поделок).

берцовых коровьих костей. При этом оба утолщенные конца отпиливались. У части найденных костей концы были неполностью отпилены. Некоторые кости имели продольный распил. Для распиловки костей применялись довольно толстые пилы (толщиной до 2-х миллиметров). Можно предполагать, что мастерская занималась главным образом массовым изготовлением костяных рукояток для ножей и посохов. Кроме того возможно, что здесь также изготавливались орнаментированные пластинки для украшения тростей и посохов.

Сохранившимся образцом готовых изделий описанной мастерской является орнаментированная резьбой рукоятка ножа. Орнаментация данного предмета состояла из рядов поперечных бороздок, кружечков и крестообразной сетки, вырезанных очень тонко и тщательно.

Сруб и большинство связанных с ним материалов по обработке кости относятся к I-й половине XVI в.

Очень интересной находкой является костяная ручка от посоха. Верхняя часть ручки обработана в виде головы фантастического животного, совмещающая в себе части птицы и барана.

Из других костяных изделий следует отметить двухсторонний костяной гребень хорошей сохранности.

Слой строительства Кремля конца XV века. По всей площади раскопа на глубине 3,10 м. — 3,25 метра шел слой, состоявший из обломков известняка (серого и красного), кирпича и извести с песком.

В слое встречались в большом количестве не только фрагменты, но целые кирпичи, по своим размерам и формам относящиеся к XV в.

Этот мощный строительный слой явно свидетельствует о весьма крупных строительных работах по кремлевским стенам и башням.

Летописные данные сообщают о большой реконструкции Кремля, предпринятой московским великим князем Иоанном III с 1490 по

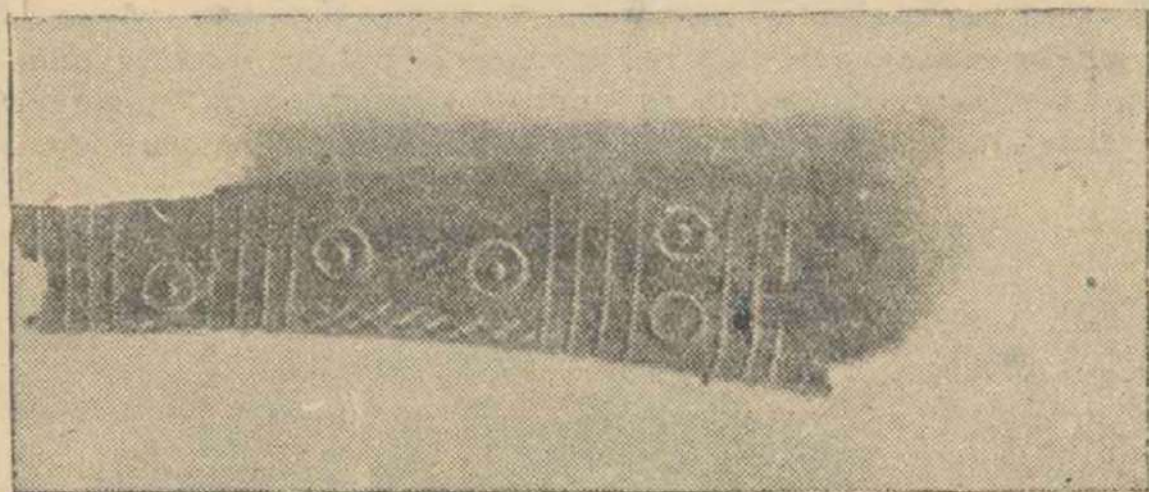


Рис. 6. Костяное изделие (рукоятка ножа).

1500 г.¹ Работы велись с целью утолщения стен и башен, вследствие необходимости усиления обороны Кремля в связи с развитием огнестрельного оружия. Многие участки сохранившейся до сих пор кирпичной облицовки Кремля относятся к этому времени. Известно, что каменные башни в Новгородском Кремле существовали с XI—XII в. Ясные указания на это находятся в письменных источниках. Возможно, что к 1116 г., когда князь Мстислав увеличил Кремль, относится устройство первой каменной башни в конце Епископской улицы.

Подтверждением указанному могут служить многочисленные обломки тонких кирпичей, найденные на всей площади раскопа на уровне, лежавшем на 25 см. выше предматериковой глины.

Вышеотмеченный мощный слой строительного мусора конца XV в. чрезвычайно важен для правильной датировки всех нижеследующих горизонтов культурного слоя.

¹ III Новгородская летопись под 1490 г. сообщает следующее: „В лето 6998. Поставлен бысть град каменной в Великом Новеграде, повелением великого князя Иоанна Васильевича всей России, при архиепископе Генадии: на две части великого князя денги, а треть владыка своими денгами“.

Во II Новгородской летописи под 1500 г. читаем: „ходил архиепископ Ганадей, со кресты, около города новаго каменого“.

Большинство вещей, найденных в кремлевском строительном слое конца XV в., вполне соответствует по своему назначению отмеченным строительным работам. Это были: большое количество кованых гвоздей, наконечники копья, дверная замочная металлическая закладка, нож, металлический стержень и т. п.

Кроме того, здесь же найдены и отдельные бытовые предметы: кольца медные и железные, пряслице, каменные грузила, деревянная игла для вязки сетей и фрагмент керамики.

Небезынтересно отметить, что периоду кремлевских строительных работ соответствует наибольшее разрушение мостовых Епископской улицы, в особенности в частях, находящихся ближе к Спасской башне.

Жилые постройки. В восточной части раскопа на глубине 3,50 м. обнаружена жилая деревянная постройка, от которой сохранились нижние венцы. Любопытно, что после снятия частей деревянного пола был обнаружен пласт зеленовато-серой глины толщиной

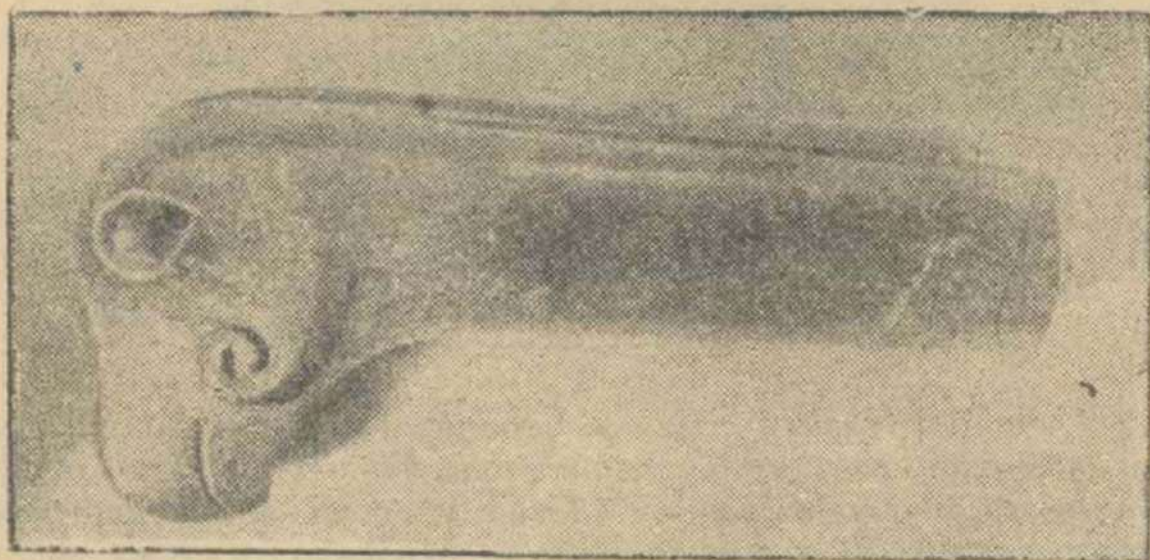


Рис. 7. Костяное изделие (рукоятка посоха).

в 10 сант. Пласт глины проходил по всей площади сруба и имел сложную структуру, свидетельствующую о многократных промазках этого пола. Таким образом, деревянный пол был устроен позже, для замены пола из глины. Из отдельных находок в этом срубе отметим жернов, довольно хорошей сохранности, пряслице шиферное, железный ключ, медный замок, обломок деревянной ложки, обработанные фрагменты деревянных поделок, большой кусок точильного бруска, часть большой сковороды. Постройка отделялась от Пискуплей улицы частоколом. Ниже этого сруба на 20 см. лежали венцы другой постройки, не совпадавшей с первой. Если первая постройка занимала южный участок восточной части раскопа, то вторая находилась севернее. От нее остался только один нижний венец и отдельные обрубки тонких бревен, лежащих разбросанно. При его зачистке найдены: бусины стеклянные и



Рис. 8. Купеческий кошелек XI в., (из разкопок в Кремле).

янтарные, костяной орнаментированный гребень, большое количество фрагментов керамических изделий, два куса холщевой материи, часть деревянной чашки, большой обломок косы, грузила.

Описанные постройки относятся к XIV—XV вв. Небольшие части (главным образом углы) более ранних срубов были обнаружены от мостовой к западу, но ввиду того, что они уходили в стены раскопа, расчистка их отложена до следующего года.

Кошелек ювелира XI в. При расчистке XIV настала Епископской улицы найден кожаный купеческий кошелек со всеми содержащимися в нем вещами. Кошелек был тщательно сложен и перевязан в двух местах какими-то нитями, которые не сохранились, но следы их сильно врезались в кожу кошелька.

Внутри кошелька находились: две бронзовые чашечки от небольших весов, обломок коромысла весов, бронзовый диргем с ушком, двадцать бронзовых разновесов, пять маленьких камешков, часть бронзовой иглы, бронзовая пряжка, бусина, сплюснутый бронзовый перстенок и вишневая косточка.

Очень важна для датировки кошелька и того культурного слоя, в котором он был найден, — арабская бронзовая монета (диргем). По определению специалистов, она относится к X в. и является подделкой под серебряные арабские монеты этого времени.

Таким образом время, когда был потерян кошелек, может относиться никак не позже как к 1-й половине XI века.

Большой интерес представляют из себя весы и разновески, несомненно служившие для взвешивания металлической монеты и ювелирных ценностей.

Бронзовые чашечки весов имеют орнаментацию внутри и отверстия по краям для подвешивания их к коромыслу. Упомянутые двадцать бронзовых разновесов имеют разную форму и размеры. Три из них небольшого размера имеют форму граненых кристаллов. Остальные большие по размеру и весу представляют из себя как бы усеченные с двух противоположных сторон шары. На разновесах имеются различные значки. Подробный разбор отмеченных весов и разновесов является темой специальной исследовательской работы.

Отдельные вещевые находки. В процессе раскопочных работ был найден разнообразный вещевой материал в различных культурных слоях.

К XVI—XVII вв. относятся следующие предметы: четыре ножа и бусина (найденные на настилах мостовой), большое количество грузил, целый поршень и отдельные части обуви (лежавшие в слое щепы и навоза).

Особенно интересен кусок богато орнаментированной кожи. Узор сделан путем вырезки из кружков, треугольничков и елочного орнамента. Найден на глубине 2,98 метра, в слое щепы и навоза у восточной стенки раскопа, и относится, следовательно, к XV в.

На этом же участке несколько выше (глубина 2,60 м.) лежала часть кожаных ножен с хорошим елочным орнаментом.

На глубине от 3,30 см. — 3,60 в навозе и щепе в разных частях раскопа, вне срубов и настилов были найдены деревянная поделка в форме ключа, голубая бусина с белыми вставками, два точильные бруска, обрывок кожаной ременной плети, небольшой лепной горшечек, часть жернова, деревянная лопатка и грузила. По глубине залегания эти вещи следует отнести к XIV—XV вв.

К культурным слоям XIII и начала XIV вв. относятся лежавшие на глубине до 4-х метров: интересный железный наконечник стрелы (хорошей сохранности), деревянные бруски, обработанные в виде балясин, пряслице, два днища из бересты, керамика (на гончарном круге) с обильной орнаментацией (веревочный орнамент и многорядные волны) и любопытное днище сосуда с изображением звезды. Эти вещи также находились вне настилов и срубов.

Нижележащие слои—XI—XII вв. дали: на глубине 4,30 м. и 4,40 м. два скопления рыбьей чешуи, общей площадью до 2-х кв. м., толщиной в 5—6 сант., на той же глубине в восточной части раскопа на площади до 16 кв. метров залегал слой битых семян проса; в западной части раскопа на глубине 4,35 м. залегал небольшой по площади, но мощный по толщине (до 15 см.) пласт льняной кострики.

На этом же уровне найдены фрагменты керамики с орнаментом, каменные грузила и бусины. Наряду с керамикой, сделанной на гончарном круге, встречались отдельные куски грубой, толстостенной лепной керамики.

В наиболее ранних культурных слоях восточной части раскопа были найдены: оловянная гирька, повидимому от безмена (на глубине 4,70 м.), тут же — деревянный шарик; рядом с мостовой Епископской улицы к востоку от нее была выстилка из березовой коры (толщина выстилки состояла из 24-х рядов, толщиной до 8 см.).

Общая мощность культурного слоя оказалась чрезвычайно значительной и достигала 5 метров, тогда как раскопки на Славне и на Ярославовом дворе дали культурный слой мощностью от 2,5 м. до 3 метров.

* * *

Описанные раскопки в южной части Кремля дали много ценного материала для нашей исторической науки: система канализации, уличное замощение, ряд мастерских, в том числе мастерская костяных изделий высокого художественного мастерства, и жилые помещения с интересными находками.

663543

НОВГОРОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Державина исторична
БИБЛИОТЕКА УРСР

РУКОПИСИ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ

Новгородский Государственный Музей обладает большим собранием рукописей, в последнее время поступившим в ведение Новгородской Секции Института Истории А. Н. СССР. Большинство из них хранилось ранее в монастырях и церквях Новгорода и его окрестностей и было мало доступно для исследователей. Между тем многие новгородские рукописи заслуживают внимания, как по своей древности, так и по их историческому значению. В предлагаемой работе описана только часть рукописей, но в дальнейшем предполагается дать более подробное и полное описание рукописных богатств Новгородского Музея.

1. (№ 3): **Копийная книга Тихвинского монастыря.** В 1^о, на 198 листах, скорописью конца XVII — начала XVIII в., без переплета.

Книга включает в себе, главным образом, копии документов начала XVIII в. (до 1720 г.).

2. (№ 8): **Описание Новгородского Софийского Кафедрального собора.** В 1^о, на 115 листах, на синей бумаге, скорописью начала XIX в., черновик, переплет — картонный.

На 1-м листе: „приняты 1834 года мая 28-го дня“.

Ниже скор. XIX в.: „Книга сия писана рукою покойного протоиерея Софийского Петра Никифорова, поправлена покойным преосв. Амвросием Орнатским, сочинителем И. Иерархии, по указанию митрополита Евгения, бывшего еще Викарием Новгородским“.

3. (№ 23): **Сборник с житиями новгородских святых.** В 1^о, на 239 листах, на синей бумаге, скорописью конца XVIII в., переплет — картонный.

На л. 1 нумер.: „Из библиотеки протоиерея Знаменского собора Павла Тихомирова. Сентября 30 дня 1835 года“.

В состав сборника входят жития новгородских святых, епископов и архиепископов — Никиты, Нифонта, Иоанна, Евфимия, Ионы, чудеса Моисея Новгор., Феоктиста; жития Владимира Ярославича, Александра Невского, Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Иакова Боровицкого, Саввы Вишерского, Михаила Клопского, Нила Столбенского, сказание о явлении мощей братьев Алфановых, жития Антония Дымского, Николая Кочанова, юро-

дивого Феодора, девицы Гликерии, Арсения Новгородского, Антония Леохновского.

4. (№ 24): **Житие Петра Великого (в 6 книгах)**. В 1^о, на 264 листах, скорописью второй половины XVIII века (после 1768 года), переплет — картон в коже.

На л. 1 нумер.: „Настоящая книга подарена помещиком д. Расторопова действ. стат. Советником Николаем Александровичем Колюбакиным, 1908 года, сент. 14 д.“.

5. (№ 34): **Книга новоуказных статей к Уложению и сборник грамот и наказов, относящихся к Юрьеву Новгородскому монастырю**. В 1^о, на 284 листах, скорописью конца XVII в., переплет — картонный.

На л. 1 полууставом нач. XVIII в.: „Книга Новоуказные статьи“.

В первой части рукописи помещена книга Новоуказных статей с 1666 г., указы (с л. 203) писцам с 1683 г. и указы (с л. 226) о пошлинах.

Во второй части (с л. 234) — помещены копии с грамот, относящихся к Юрьеву монастырю, главным образом, конца XVII в.

6. (№ 35): **Копийная книга грамот Юрьева монастыря и приписных к нему монастырей**. В 1^о, на 798 листах, скорописью XVIII века, переплет — картон в коже.

На л. 34 скорописью: „1758-го года декабря дня по смене бывшего казначея иеромонаха Иннокентия новоопределенный казначей иеромонах Николай принял подлинные выписи, указы и прочие крепости по вышеописанному в сей книге реестру“.

На л. 35 — подобная же запись 1763 г.:

Рукопись включает в себе, главным образом, документы XVII—XVIII в., но есть списки и с более древних грамот, в том числе список с известной грамоты вел. кн. Мстислава Владимировича (до 1137 г.).

7. (№ 42): **Биографический некролог гр. Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, написанный протоиереем Вас. Сем. Орнатским**. В 1^о, на 3 листах, скорописью XIX в., черновик. Впереди приложено отношенке П. Спасского в Новгор. Церковно-Археологич. Общ. от 28 марта 1915 г. со сведениями об Орнатском и о том, что некролог был частично использован Елагиным в „Жизнеописании графини Орловой“.

8. (№ 44): **Выпись из писцовых книг Петровского прихода Вышеозерские волости**. В 1^о, на 25 листах, скорописью XVIII в., переплет — картонный.

В тексте есть ссылки на выход из льготы в 180 — 181 (1672 — 1673 гг.).

9. (№ 116): **Выпись из переписных и перечневых книг Новгородских пятин 1669 года**. В 4^о, на 127 листах, скорописью второй половины XVII века, переплет портфелеобразный XVII в.

10. (№ 117): **Выпись 1705 года из переписных книг Новгородского уезда переписи кн. Вас. Фед. Жирового Засекина**

1678 года на вотчины Никольского Вяжицкого монастыря. В 1^о, на 18 листах, скорописью 1705 года.

В конце рукописи приложена печать из мастики с изображением орла. Переплет кожаный, начала XVIII в.

11. (№ 118): **Список с писцового наказа 1685 года.** В 1^о, на 83 листах, л.л. 82—83 — чистые, скорописью конца XVII в., переплет кожаный, портфелеобразный конца XVII в.

12. (№ 120): **Выпись из переписных книг на земли Николо-Вяжицкого монастыря, приписанные к Александро-Невскому монастырю.** В 1^о, на 63 листах, скорописью XVIII века, в папке.

13. (№ 121): **Евангелие.** В 4^о, на 431 листах (вод. знак — перчатка), полууставом XVI века, листы 1, 30, 235, 354, 416 (нижняя половина) добавлены в XIX веке.

По листам скор. XVII в.: „сия книга глаголемая евангелие церкви Благовещения пресвятей богородицы домовые“.

Переплет — доски в крашенине XVII века, на внутренних корках переплета наклеены листы из печатного жития Улиты и Кирика XVIII в.

14 (№ 122): **Евангелие.** В 1^о, на 263 листах (вод. знак — перчатка), полууставом XVI века.

Переплет — доски, обитые медным окладом с изображениями XVIII века.

На л. 76 полууставом XVI века: „Лета 7000 пятьдесят осмаго (7058—1550) се еуангелие положил раб божи Лавреньтей Костяншиков сын Красилик в Благовещенье святей богородици на Оус-(тю)-жне при благоверном цару(!) великом князе Иване Васильевиче всея Руси при мотрополите (!) Макарье при архиепископе Пимине“.

15. (№ 123): **Евангелие.** В 1^о, на 291 листах (вод. знак — маленький кувшинчик с двумя ручками), полууставом XVI века. Перед евангелиями заставки и инициалы в красках ново-византийского орнамента прекрасной сохранности. Переплет — доски в бархате.

На обороте 291 листа скорописью: „Лета 7100 (1592) марта в 26 день положил сию книгу евангелю в дом к всемилостивому Спасу в Старой (Р)усы священноинок Андрей“.

Ниже: „Лета 7117 (1609) апреля в 23 день пан Ляховские земли Иван Федоров сын Черновской, услышав, что то святое еуангелие всемилостиваго Спаса и взяв у государева войска у казаков и отдал ко всемилостивому же Спасу в монастырь в Старой Русе, и о здравьи его за то бога молить, а по смерти его поминати. А подписал многогрешный Богданко Петров“.

16. (№ 124): **Евангелие.** В 4^о, на 319 листах (вод. знак — бычья голова с розеткой между рогами), полууставом XVI века.

Перед евангелиями — заставки в красках балканской плетенки, в тексте — киноварные инициалы.

Переплет—доски в красном бархате (новом) с медными угольниками и средником.

С листа 11 по листам полууставом: „Лета 7000 осьмьдесятого (1572) месяца июля в 15 день сию святую книгу глаголемое еуангелие тетро господни преосвященный Леонид архиепископ Великого Новагорода и Пскова положил на престол в святой храм Вознесения господа бога и спаса нашего исуса христа в пречестную обитель и преподобного отца нашего Савы чудотворца, иже над Вешерою рекою по своей души и по своих родителех в помяновение и в наследие вечных благ, и аще кто покусится сию книгу из церкви похитити или продати силой человек или власть того святого места, тый да соудится с мною в будущий век. Аминь“.

17. (№ 125): **Евангелие**. В 4^о, на 302 листах, полууставом XVI века. Переплет—доски в красном бархате (новом) с медными угольниками и средниками.

На л. 4 беглым полууставом: „Лета 7116 (1608) положил сию книгу невангелие престолнее тетр в дом Николе Чюдотворцу в Корелу в Мерли Аввакум Феодоров сын Еупутьева (?) по брати (!) своем Михии Тарасьеве Ливькуева, поминати его во веки, подписал поп Корнил“. Пометы XIX века показывают, что евангелие принадлежало собору в Грузии.

18. (№ 126): **Евангелие**. В 1^о, на 227 листах (вод. знак—три горы), полууставом XVI века. На 1 листе наклеена бумажка с заставкой балканского плетения, но новой рисовки (XIX века), в тексте оставлены пустые места для заставок. Переплет—доски в парче с 3 медными угольниками и средником (XVI в.?).

19. (№ 127): **Евангелие**. В 4^о, на 247 листах, полууставом XVI века. Перед евангелиями киноварные заставки и инициалы балканской плетенки. Переплет XVI века—доски в материи с медными угольниками и средниками.

20. (№ 128): **Евангелие**. В 4^о, на 253 листах (водяной знак—сфера), полууставом XVI века. Заставки в красках нововизантийского орнамента. Переплет—доски в бархате.

21. (№ 129): **Евангелие**. В 1^о, на 253 листах (водяной знак—перчатка), полууставом XVI века. Перед евангелиями миниатюры евангелистов старообрядческой работы XIX в. Переплет—доски в зеленом новом бархате с 3-мя серебряными угольниками.

По листам скорописью XIX в., „Сие святое евангелие Тихвинского старообрядческого кладбища“.

22. (№ 130): **Евангелие**. В 4^о, на 380 листах (водяной знак—бычья голова с крестом, обвитым змеей между рогами), без начала и конца, полууставом первой половины XVI в. Без переплета.

На 1 листе скорописью XIX века: „Евангелие Померанской ц. Новг. уезда“.

23. (№ 131): **Евангелие**. В 4^о, на 323 листах (водяной знак—небольшой якорь), полууставом XV века, разными почер-

ками. Переплет — доски в красном атласе, с медными угольниками и средником.

На листе 7 полууставом XV века: „Господи помози рабу своему Онъдрею“.

На листе 8 полууставом XV века:

„Господи владыко помози ми многогрешному рабу своему Потыпишыку писати гораздо без описи, сверши господи книгу сию свое святое еуангелие, сверши господи благо, святити 4 еоугалисты, Иоан, Марко, Лука, Матфеи, 4-е оуанглисты сподобите книгу сию спешно“.

Внизу того же листа эта запись повторена. На 95 листе внизу беглым полууставом XV века: „господину осподарю князю Ивану Ивановичу“. Принадлежало Новгородскому Кириллову монастырю.

24. (№ 132): **Евангелие**. В 1^о, на 252 листах (водяной знак — Г), полууставом XVI века, без начала, многие листы утеряны, оборваны и подклеены. Переплет — доски в коже XVIII или XIX века с 4 угольниками и средником.

25. (№ 133): **Евангелие**. В 1^о, на 340 листах, полууставом 1496 года. Заставки и инициалы в красках балканской плетенки. На обороте 340 листа изображен круг и ниже полууставом:

„В лето 7004 (1496) кроуга солнцю 4, лоуны 12, индикта 14, фемелиос 15, месяца генваря 14 на память святых отець избьеных в Синаи и Раифу написана бысть книга сиа еуангелие опракос в обители святых богородица на Лисьи горы при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Великого Новаграда и Пскова владыце Генадьи благословением господина игумена Якима и повелени(ем) господина Семена Мартиновича. А писал многогрешный дячишко Офоня, а конец святити же си книги Игнатей“.

26. (№ 135): **Синодик Старо-Ерговской церкви Череповецкого уезда**. В 1^о, на 131 листе, во второй половине рукописи большинство листов чистых, разными полууставными почерками XVIII в. Переплет — доски в коже XVIII века. В рукопись вклеены листы печатного синодика XVIII века.

Рукопись включает в себе поминание крестьянских родов.

27. (№ 136): **Синодик**. В 8^о, на 29 листах без начала, скорописью первой половины XVII века, с л. 20 позднейшими почерками. Переплет — доски в коже.

Синодик доведен до Василия Шуйского и патриарха Гермогена, далее частный помянник.

28. (№ 137): **Синодик**. В 8^о, на 55 листах, полууставом разных почерков начала XVIII века. Переплет — доски в коже нач. XVIII в.

29. (№ 138). **Синодик**. В 4^о, на 93 листах (много чистых листов), полууставом конца XVII в. с позднейшими добавлениями. На обороте 1 листа миниатюра с изображением вседержителя на престоле, на л. 2 заставки стилия барокко.

Доведен был до патриарха Питирима и царя Михаила Федоровича:

30. (№ 139): **Помянник Григорья Мартемьянова.** В 16^о, на 15 листах, разными почерками XVII—XVIII вв. Переплет — доски в коже.

31. (№ 140): **Помянник Захария Авраимея, с горы Даниловы.** В 16^о, на 33 листах разными почерками XVII—XVIII вв. Переплет — доски в коже.

32. (№ 141): **Помянник.** В 16^о, на 10 листах, разными почерками XVIII века. Переплет — доски в коже XVIII в.

33. (№ 142): **Помянник.** В 16^о, на 25 листах, разными почерками конца XVII—XVIII веков. Переплет — доски в коже.

34. (№ 143): **Помянник Мокея Кондратьева деревни Баруеза.** В 16^о, на 7 листах, скорописью XVII века. Переплет — из куса пергаментной рукописи конца XIV века (отрывок евангелия).

35. (№ 144): **Помянник.** В 16^о, на 12 листах, полууставом XVIII в., без переплета.

36. (№ 149): **Синодик и вкладная книга Воскресенского монастыря в Белозерском уезде.** В 4^о, на 148 листах, полууставом и скорописью разных рук конца XVI—первой половины XVII в. Переплет — доски в коже.

Помянник доведен до царицы Анастасии и патриарха Иова, показан род белозерских князей. Вкладная книга начинается с листа 83 об.: „лета 7000 семьдесят шестого (1567) месяца сеньтября с первого числа Воскресеньской архимадрит Макареи, поговоря с священнеци и старци со всею братьею сие книгу уложил вкладные...“

Главные вклады относятся к XVII веку.

37. (№ 150): **Синодик Федосьи Степановой Лесновой 1765 г.** В 4^о, на 64 л. л., полууставом второй половины XVIII века. На обороте 1 листа миниатюра, изображающая мертвую в гробе, заставки — стилия барокко. Переплет — доски в коже XVIII в. На л. 1 полууставом: „Сия книга глаголемая синодик Белозерского уезда Судского стану приходу святого архистратига божия Михаила и великомученика Георгия, что на краю села Анцыферова госпожи Федосьи Стефановой дочери Китаева жены Семена Алексиева сына Леснова. Писана 1765 году“.

38. (№ 151): **Синодик дьяка Захарья Богдана Силина 1676 г.** В узкую 4^о, на 123 листах почерками второй половины XVII—XVIII вв. Первые листы написаны красивым полууставом 1676 г. Заставки в красках и золоте — стилия барокко.

На л. 2 об. полууставом: „Лета 7184 (1676) года сию книгу Синодик дал вкладу в монастырь Никола чудотворца по прозванию Ножинская пустыня по обещанию по своим родителям в вечный поминок диак Захарий по прозванию Богдан Силин“.

39. (№ 152): **Синодик.** В 4^о, на 46 листах, полууставом конца XVIII века, украшен миниатюрами, срисованными пером с печатного синодика. Переплет — картонный XVIII века.

40. (№ 153): **Синодик.** В 1^о, на 81 листе (л. л. 41—81 чистые), полууставом XVIII века, украшен раскрашенными рисунками пером из печатного синодика. Переплет — доски в коже XVIII века.

41. (№ 154): **Помянник**. Пергаменный столбец на палочке, скорописью XVII века.

42. (№ 155): **Помянник**. Пергаменный столбец на палочке, полууставом XVI—XVII веков.

43. (№ 156): **Синодик Сырковой пустыни 1675 года**. В 4^о, на 174 листах, разными почерками конца XVII—XVIII веков, основной почерк—полуустав 1675 года. Заставки—травного орнамента. Переплет картонный. На л. 1 в заставке полууставом: „Сия книга глаголемая синодик рекше поминание дому Пречистыя богородицы Сырковы пустыни. Писана в лето 7183 (1675) году месяца августа в 11 день“.

В числе других—род Сырковых.

44. (№ 157): **Помянник**. Пергаменный столбец на палочке, полууставом XVII века.

45. (№ 158): **Синодик Осиновской пустыни**. В 1^о, на 38 листах, полууставом XVIII века с добавлениями. Переплет—картон в коже XVIII века. На 1 листе в круге полууставом:

„Сей синодик Николая чудотворца Осиновские пустыни, что на Хадрицы реке в Бежецкой петине домовой, писать имена по полтины с имени“.

46. (№ 159): **Синодик Отенского монастыря 1819 года**. В 1^о, на 50 листах синей бумаги, разными почерками XIX века, украшен гравюрами из печатного синодика, раскрашенными от руки. Переплет—картон в коже начала XIX века. На 1 листе скорописью:

„Сей синодик Отенского монастыря пачат въписывать в оной православных христиан имена усопших 1819-го месяца ноября“.

47. (№ 160): **Помянник белозерца посадского человека Илья Андреева Родионова 1746 года**. В 8^о, на 11 листах, полууставом и скорописью разных рук XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII века.

48. (№ 162): **Синодик церкви Покрова в селе Елкине, Устюжского уезда**. В 1^о, на 43 листах, печатный синодик с гравюрами, раскрашенными от руки и с рукописной страницей (л. 43), написанной полууставом XVIII века. Переплет—картонный.

49. (№ 163): **Синодик Иверского Валдайского монастыря**. В 1^о, на 444 л. (л.л. 374—444 чистые), полууставом второй половины XVII века с позднейшими добавлениями XVIII—XIX вв., украшен великолепными заставками, инициалами и цветками старопечатного травного орнамента с золотом, в тексте инициалы и вязь написаны золотом. Переплет—доски в коже начала XIX в.

В числе других внесены роды: „род Захарьич“, царицы Марьи Ильиничны, патриарха Никона, Собакиных, Трубецких, Голицыных, гостиной сотни Веневитова, Ртищевых, гостя Никитникова, Ивана Шушерина и др. Написан при патриархе Никоне, под именами родственников которого есть пометы о родстве их с Никоном. Против имени царя Алексея Михайловича есть киноварная заметка об его смерти в 1676 г.

Поступил из Иверского Валдайского монастыря.

50. (№ 164): **Синодик церкви Михаила с Прусской улицы в Новгороде.** В 4^о, на 55 листах, полууставом начала XVIII века с позднейшими добавлениями. Переплет—доски в коже, начала XVIII века.

Помещено и поминовение создателей храма сего. Из Михаила-Архангельской церкви на Прусской улице.

51. (№ 165): **Синодик.** В 1^о, на 72 листах, печатный синодик с рукописными добавлениями XVIII—XIX вв. Переплет—картон, в коже. По листам запись скор. XVIII в. о даче синодика дьячком Козьмой Васильевичем Раменским в ц. Николая в Веснегонской.

52. (№ 166): **Синодик Богословского Черменецкого монастыря 1701 г.** В 4^о, на 86 листах, полууставом 1701 года с позднейшими добавлениями. На л. 1 заставка старопечатного травного орнамента чернилами. Переплет—доски в коже начала XVIII века.

53. (№ 167): **Служба Тихвинской иконе богородицы.** В 4^о, на 36 л. л. (вод. знак-герб Амстердама), полууставом начала XVIII века, без переплета. По листам скорописью: „1713 года декабря в 13 день куплена в обитель живоначальные и пречистые богородицы честного и славного ея Благовещения в Синозерскую в Ефросинову пустыню сия служба пресвятыя богородицы Тихвинская на казенныя деньги, а дано за сию книгу денег шесть алтын четыре деньги при строителе иеромонахе Иоанникие, при казначее старце Тихоне во веки неотлемлемо“.

54. (№ 169): **Служба и житие Георгия.** В 4^о, на 90 листах, полууставом 1747 года. Переплет—доски в коже XVIII в.

На 90 листе в конце книги: „Сии службы и страдание и чудеса списаны с новоисправленных печатных Миней месяца марта в 31 день 1747 году окончаны“.

55. (№ 169): **Сборник служб и житий святых.** В 4^о, на 118 листах, конца нет, полууставом XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII века.

В состав сборника входят: служба Кириллу Белозерскому, чудо Георгия о зиме, житие Кирилла Белозерского, слово от патерика.

56. (182): **Поучение на преставление Иоанна Богослова.** В 4^о, на 18 листах (лл. 14—18 чистые), скорописью 1755 года. Переплет—картонный.

В конце текста на обороте 13 листа: „Ивана Иванова сына Ермила 1755 года месяца сентября 26 день“.

По листам вкладная XVIII века в ц. Иоанна Богослова что на Витки.

57. (№ 183): **Службы святым.** В 4^о, на 231 листах, полууставом конца XVII—начала XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII—XIX вв.

58. (№ 184): **Сборник.** В 4^о, на 210 листах, полууставом и скорописью XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII века.

В состав сборника входят каноны, слово торжественное, сказанное в Новгороде при Петре I, список святых новгородских, страсти христовы и др.

59. (№ 185): **Триодь цветная**. В 1^о, на 494 листах (вод. знак—буква Р и рука), полууставом начала XVI века в 2 столбца. Без переплета.

60. (№ 186): **Службы святым**. В 4^о, на 56 листах, полууставом XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII века.

61. (№ 187): **Служба покрову и Николаю Чудотворцу**. В 4^о, на 102 листах, полууставом половины XVIII века. Заставки пером и красками, подражающие старопечатным книгам XVIII века. Переплет—доски в коже XVIII века.

На внутренней стороне задней корки переплета: „А сие писмо писал я сам месяца июля 1 день 1768 году“.

62. (№ 188): **Устав церковный**. В 4^о, на 155 листах, полууставом XIX века. Переплет—доски в коже. Списан с Почаевского издания.

63. (№ 189): **Тропари и кондаки на праздники**. В 8^о, на 301 листе, скорописью XVIII века. Переплет картонный.

64. (№ 190): **Печерский Патерик**. В 4^о, на 10 + 219 листах, полууставом XVIII века. Переплет картонный XVIII века.

На внутренней стороне задней корки переплета: „Сия книга церкви святых и праведных богоотец Иоакима и Анны (I) что в селе Носовском, куплена на церковные деньги 1770 году, а подпisał оную книгу той же церкви дьячек Петр Макаров своеручно“.

Из Носовской церкви Череповецкого уезда.

65. (№ 202): **Анфологион вивлейкон, сиречь цветов собрание ветхаго закона**. В 1^о, на 130 листах, без конца, полууставом первой половины XVIII века. Переплет картонный.

Переписан с печатного экземпляра, изданного при Петре I.

Из Ростороповской ц. Устюжского уезда.

66. (№ 204): **Сборник житий святых и слов на праздники**. В 1^о, на 393 листах, выбитых из тетрадей и отчасти дефектных, скорописью XVIII века. Без переплета.

Расположен по месяцам.

67. (№ 205): **Хронограф**. В 1^о, на 157 листах, из которых 1—20 листы сильно попорчены, скорописью XVIII века. Переплет картонный.

Начало хронографа дефектное, оканчивается он 7212—1704 годом. Содержание в начале расположено по степеням, но это не степенная книга.

Из Ростороповской ц. Устюжского уезда.

68. (№ 206): **Степенная книга**. В 1^о, на 276 листах, скорописью XVIII века. Переплет картонный.

Книга начинается с 11 степени (митрополита Алексея), доведена до 7068—1560 года.

69. (№ 208): **Сборник слов и поучений**. В 4^о, на 129 листах, полууставом XVIII века с добавлениями XIX века. Переплет картонный.

70. (№ 209): **Житие и служба Кириллу Белозерскому Пахомия Логофета.** В 4^о, на 116 листах, полууставом XVIII века. На л. 3 об. миниатюра в красках, изображающая Кирилла Белозерского, заставки и инициал позднего травного орнамента. Переплет — доски в коже XVIII века.

71. (№ 228): **Стоглав.** В 4^о, на 225 листах, скорописью 1596 г. Переплет — картон в коже.

В конце текста на 223 листе внизу почерком рукописи: „А совершена бысть сия книга царское уложение сиречь Стоглавник в пресловушем граде Пскове в пречестной и великой обители у пречистые богородицы в Печерском монастыре, снисканием и благословением тоя же честныя обители игумена Кир Иакима в лето 7104 (1595) декабря в 12 день на память преподобнаго отца нашего Спиридона чудотворца Тримифинскаго в лето государства царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси самодержца и в первое лето епископа Псковского и Изборского Генадия“.

72. (№ 229): **Жития Кирилла Новоезерского и Алексея человека божия и сказание о Крестном монастыре на Белом море.** В 4^о, на 90 листах, скорописью конца XVII века. Заставка травного орнамента. Переплет — картон в коже конца XVII века.

Из Тырницко-заводской церкви Белозерского уезда.

73. (№ 230): **Житие патриарха Никона.** В 4^о, на 101 листе, полууставом XVIII века. Переплет — доски в коже XVIII века. Из Спасской церкви Белозерского уезда.

74. (№ 231): **Требник.** В 4^о, на 107 листах, полууставом XVIII в. с подклеенными печатными страницами. Без переплета.

75. (№ 232): **Служба в память Полтавской битвы 1709 года.** В 4^о, на 38 листах, скорописью XVIII века. Без переплета.

76. (№ 234): **Служба и житие Моисея Новгородского.** В 4^о, на 72 листах, полууставом XVIII века. Переплет картонный.

77. (№ 236): **Сборник.** В 4^о, на 317 листах, после листа 4 идет лист 4^а, вырванный из переплета и ранее помеченный 318-ым.

Без конца, полууставом второй половины XV века, оглавление XVI века.

На 5 л. заставка нововизантийского орнамента. Переплет — доски в коже XVII века.

Заключает в себе выписки из требника, церковного устава и сборников поучений. По оглавлению было 178 глав, но сохранилось только 122.

78. (№ 237): **Служебник.** В 4^о, на 320 листах, без конца, часть листов выдрана из переплета, полууставом конца XVII века. Переплет — доски в коже, задней корки переплета нет.

79. (№ 238): **Канонник.** В 8^о, на 70 листах, полууставом конца XVIII века. Переплет картонный.

80. (№ 289): **Сборник, преимущественно житий и служб святым.** В 4^о, на 338 листах без начала и без конца, полууставом и скорописью XVIII века. Переплет — доски в коже, передней корки нет.

В числе других заключает в себе житие Александра Свирского и Арсения Новгородского.

81. (№ 240): **Златоуст.** В 1^о на 468 листах, водяной знак — лилия в гербовом щите, полууставом первой половины XVII века, оглавление 1795 года, черная заставка и цветок травного старопечатного орнамента. Переплет — доски в коже XVII века.

Заключает много слов, не принадлежащих Иоанну Златоусту, всего 199 глав.

82. (№ 241): **Копийная книга грамот Духова монастыря в Новгороде.** В 4^о, на 144 листах, скорописью конца XVII в. Переплет — картон в коже.

Книга была составлена по челобитью монастырских властей в 1685 — 86 годах. Заключает преимущественно выписи из писцовых книг и акты XVII века.

83. (№ 242): **Копийная книга грамот Юрьева монастыря.** В 1^о, на 200 листах, скорописью половины XVIII в. Переплет — картон в коже. Преимущественно акты XVII века.

84. (№ 243): **Копийная книга грамот Юрьева монастыря.** В 1^о, на 213 листах, скорописью половины XVIII века. Переплет — картонный. Преимущественно акты XVIII века.

85. (№ 244): **Кормчая.** В 1^о, на 419 листах, скорописью первой половины XVIII века. Переплет — доски в коже XVIII века.

На обороте передней корки переплета запись 1784 года о покупке Кормчей в Тихвинский большой монастырь у Тихвинского купца Ерофея Корнилова.

Списана с печатной кормчей 1650 года.

86. (№ 245): **Торжественник.** В 1^о, на 304 листах, полууставом начала XVI века в 2 столбца (листы 284 — 304 полууставом конца XVIII века). Переплет — доски в коже XVII века.

87. (№ 247): **Сборник слов и житий.** В 1^о, на 335 листах (вод. знак — кувшинчик с 2 ручками), полууставом первой половины XVII века. Заставка пером и красками. Переплет — доски в коже XVIII века. Принадлежала Тихвинскому старообрядческому храму.

В числе житий и слов: преставление князя Федора Смоленского.

88. (№ 248): **Вопросы и ответы Афанасия Александрийского.** В 4^о, на 171 листе, скорописью конца XVII — начала XVIII века. Без переплета.

89. (№ 250): **Торжественник.** В 1^о, на 183 листах синей бумаги поморским полууставом конца XVIII — нач. XIX века. Без переплета. Принадлежал Тихвинскому старообрядческому кладбищу.

90. (№ 257): **Трефолой.** В 4^о, на 410 листах, полууставом XVII в. Переплет — доски в коже.

91. (№ 258): **Миния служебная, июль.** В 4^о, на 310 листах, полууставом XV века с добавлениями конца XVII века (лл. 1 — 39 и 232 — 310). Переплет — доски в коже.

92. (№ 259): **Лествица.** В 1^о, на 375 листах, полууставом 1638 г. Переплет — картон в коже XIX века. На 375 листе почерком рукописи:

„Написана бысть сия книга во обители пресвятыя владычица наша богородица и приснодевы Мариа честнаго и славнаго ея Оуспения, иде же святыи ея образ чюдотворный Одигитрие на Тихвине по благословению и по повелению тоя честныа обители духовнаго настоятеля игумена Герасима. Соверши же ся в лето от создания миру 7146 - м, а от плоти Рожества господа бога и спаса нашего Исуса Христа 1638, месяца декабря в 20“.

93. (№ 260): **Маргарит.** В 1^о, на 417 листах, полууставом 1562 г. Переплет — доски в бархате.

На 417 листе почерком рукописи: „Написана бысть книга сия рекомый Маргарите (!) лета 7070 (1562 г)“.

94. (№ 263): **Псалтырь.** В 4^о, на 244 листах, листы 4 — 38 полууставом конца XV века, листы 43 — 215 другим полууставом XVI в., перед ними заставка балканской плетенки. Добавления сделаны на синей бумаге полууставом конца XVIII века. Переплет — доски в коже XIX века.

95. (284): **Служба святым отрокам.** В 4^о, на 76 листах, скорописью 1685 года. Без переплета.

На 76 листе почерком рукописи: „Написана бысть служба сия в лето 7193 (1685) месяца марта в 24 день рукою раба божия многогрешного Бориса Ияковлева сына Козынина. В славу божию. Аминь“.

96. (№ 285): **Сборник.** В 4^о, на 202 листах, без начала и конца, последние листки дефектные, скорописью XVII века. Переплет — доски в коже XVIII века.

В состав сбраника входят: отрывок Александрии, Сказание о Задонском бою великого князя Дмитрия Ивановича з безбожным царем Мамаем (В лето 6888 год сказание о Задонском бою, похвала великому князю Дмитрию Ивановичу...). Повесть о взятии Царя града, како пленен бысть безбожным Махметом Турским царем; о венчании Мономаха (статья XVII в.), слово Евсевия о сошествии во ад, слово Палладия о втором пришествии христове.

97. (№ 287): **Сборник.** В 4^о, на 174 листах, полууставом разных рук конца XVII века. Переплет — картон в коже.

Заключает в себе Звезду пресветлую, житие Федора юродивого Новгородского, отрывок жития Григория Богослова (?), слово о Пафнутии, о некоем постнике, мудрость Кирилла Философа, како учи Варфоломея, мучение Кирика и Улиты, слово Палладия о втором пришествии.

98. (№ 292): **Житие Антония Римлянина.** В 4^о, на 97 листах, скорописью XVIII века. Без переплета.

99. (№ 299): **Житие Антония Римлянина.** В 1^о, на 50 листах синей бумаги, скорописью конца XVIII века. Переплет картонный.

100. (№ 301): **Александрия.** В 4^о, на 225 листах, без конца, полууставом XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

101. (№ 303): **Казанский летописец.** В 4^о, на 120 листах, без начала и конца, скорописью XVII века. Переплет — картонный.

102. (№ 301): **Домострой**. В 8^о, на 150 листах, скорописью XVII века, начало дополнено позже. Переплет — доски в коже XVII века.

На 6 листе внизу скорописью XVII века: „Сия книга бывшего Николаевского дьяка Василья Иванова сына Гнидина Домострой“.

Всего в Домострое 71 глава, после чего следует выписка из пролога. Список очень интересный.

103. (№ 313): **Лествица Иоанна Синайского**. В 4^о, на 179 листах (лл. 1—2 утеряны), без начала и конца, полууставом в 2 столбца конца XV века. Миниатюра Иоанна Синайского в конце книги. Без переплета.

104. (№ 314): **Апостол**. В 4^о, на 564 листах, полууставом XVI века заставка старопечатного орнамента. Переплет — доски в коже XVIII века.

105. (№ 316): **Минея служебная, август**. В 4^о, на 151 листе, без конца и начала, полууставом начала XVI века. Без переплета.

106. (№ 317): **Минея служебная, август** (продолжение предыдущей). В 4^о, на 55 листах, без конца и начала, полууставом конца XV—начала XVI века. Без переплета.

107. (№ 318): **Апостол**. В 1^о, на 200 листах, без начала и конца, полууставом XVI века. Без переплета.

108. (№ 366). **Житие Филиппа Митрополита**. В 4^о, на 145 листах, полууставом второй половины XVII века. Заставка старопечатного травного орнамента. Переплет — доски в коже.

По листам скорописью: „193 (1685-го) году февраля в 20 день в дом Воскресения Христова и преподобного отца Кирилла Белого Новозерского чудотворца положил сию книгу житие и (с) службой Филиппа митрополита московского вся Руси чудотворца Москвитин Стретенской сотни Филип Симонов в помяновение по родителех“.

109. (№ 376): **Октоих**. В 4^о, на 400 листах (вод. знак—3 лилии в гербе) беглым полууставом XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

110. (№ 434): **Палея**. В 1^о, на 212 листах, скорописью конца XVII—начала XVIII века, заставки травного орнамента с чертами борокко. Переплет — доски в коже конца XVII—начала XVIII века.

111. (№ 440): **Беседы Григория Богослова**. В 1^о, на 402 листах, полууставом XVI века, заставка и инициал в красках нововизантийского орнамента.

Переплет — доски в коже XVII века.

112. (№ 442): **Сборник**. В 4^о, на 123 листах, полууставом и скорописью XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

В нем помещено и сочинение Нила Сорского о скитском жителстве.

113. (№ 443): **Сборник**. В 4^о, на 429 листах, без конца, скорописью XVI века. Переплет — доски в коже XVI века.

В состав сборника входят: поучения Федора Студита, рукописание царя Константина (л. 128), поучение от 7 соборов на ла-

тынскую веру; Мерило праведное, толкование сказания от Псаломьскиа книги Давида царя, еже не на лица судите ни по мзде, правила пастырям, поучение епископле иереям, правила Иоанна и другие выписки из Мерила.

114. (№ 444): **Слова Феодора Студита**. В 1^о, на 328 листах, (вод. знак — сфера), полууставом в 2 столбца XVI века. Переплет — доски в коже XVI века.

На 327 листе наполовину зачеркнута запись скорописью: „Сия книга глаголемая Феодора Черногоры чезия святого чудотворца Николая Кожина монастыря, подписал“... (далее мало разборчиво).

115. (№ 446): **Лествица Иоанна Синайского**. В 4^о, на 177 листах, полууставом XVI века. Переплет — доски в коже XVI века.

По листам вкладная XVII века в монастырь Кирила новые пустыни.

На обороте 176 листа полууставом XVI века: „Се яз пятницкой поп Данила Попов сын Стефанов продал сию книгу Иван Лествичник Ивану Ивановичю Сафорину, а подписал яз поп Данил сам своею рукою, а живу в Можайску на посаде“.

116. (№ 447): **Слова Григория Синаита**. В 4^о, на 162 листах, полууставом XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

117. (№ 451): **Сборник житий и поучений**. В 4^о, на 494 листах, полууставом конца XVI—XVIII века, с добавлениями XVII века, заставка в красках. Переплет — доски в коже XVI века.

По листам полууставом: „Лета 7109-го (1601) месяца авьгоуста 7 день на память святого преподобнаго Доментьяна положил сию книгоу глаголемоую сборникъ чернец Инокентей в дом Воскресенью Христову да Кирилоу Белому на Новоезеро, а по прозвищу в мирех Третьяк Малеев“.

В состав сборника входят житие Симеона Столпника, Иоанна Новгородского, Стефана Сербского, слово об иконе Знаменья Иакова Перьского, Леонтия Ростовского, Михаила Клопского, Никиты Переяславского, Андрея Первозванного, Стефана Сурожского.

118. (№ 452): **Златая цепь**. В 4^о, на 133 листах, скорописью конца XVI века. Переплет — доски в коже.

На обороте 133 листа скорописью: „Сия книга Златая цепь Новозерского монастыря Кириловы пустыни“.

По составу близка к Румянцевской Златой цепи XIV века.

119. (№ 461). **Сборник**. В 4^о, на 282 листах, скорописью разных рук второй половины XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

В сборнике имеется житие Иоанна и Логина Яренских.

120. (№ 460): **Сборник**. В 4^о, на 255 листах, скорописью XVII века. Переплет — доски в коже XVII века.

В состав сборника входят жития, слова и поучения, повесть како восхити неправдою на Москве царьский престол Борис Годунов, написание вкратце о Соловецкой обители, память Дмитрия

царевича, беседа Сергия и Германа Валаамского (беседа Валаамских чудотворцев).

121. (№ 459): **Сборник.** В 4^о, на 26 + 159 листах, первые 26 листов печатное послание патриарха Никона о моровом поветрии, остальные 159 листов скорописью конца XVII века, заставка травного старопечатного орнамента в красках. Переплет—доски в коже XVII века.

В сборник входят: житие Антония Сийского, чудо о девице Соломонии, завещание Илариона Рязанского, память Никодима Кожеезерского.

МАСТЕРА НЕРЕДИЦЫ¹

Роспись Нередицкой церкви, давно привлекающая внимание исследователей своим иконографическим содержанием, не может считаться изученной со стороны художественно-стилистической. Единственная работа, в которой анализу сложного художественного состава росписи уделено специальное внимание, — посмертная статья В. К. Мясоедова, изданная Русским музеем².

Краткие характеристики отдельных манер стенописи, которые дает Мясоёдов, не сопровождаются ни перечислением изображений, относимых им к той или другой манере, ни даже указанием образцов. На основании их трудно или даже невозможно выделить те изображения, которые имеет в виду его характеристика. Вследствие этого изучение художественного содержания росписи необходимо начать с повторения работы В. К. Мясоедова, с стилистической классификации.

В результате наблюдений над формами и техникой мне представляется возможным разделить все изображения Нередицкой росписи на пять групп, более или менее резко отличающихся одна от другой. Одни из них имеют чисто живописный характер, другие более графичны.

I группа изображений охарактеризована В. К. Мясоедовым в следующих выражениях: выделяется „очень широкой и смелой манерой и резкими светом, переходящими в глубокие тени, напоминает технику некоторых энкавстических икон IX—X вв., уцелевших в монастыре св. Екатерины на Синае“. Манера этих изображений живописная по преимуществу. Отличается грузными пропорциями фигур с большими головами и большими же неловкими, дряблыми руками. Характерны типы одутловатых ликов с длинными, толстыми, вислыми носами, большими глазами с тяжелыми веками, с отвисшей нижней губой. Уши с верхним концом в виде завитка. Складки одежд простые, тяжелые и криволинейные. Широкая манера лепки ликов с резкой светотенью, густыми красками, отличаясь некоторой сбитостью форм, все же создает впечатление пространственности их, округлости.

¹ Конспективное изложение одной части монографии о Нередицкой росписи, подготовлявшейся автором в 1927—29 гг.

² Фрески Спаса Нередицы. Л., 1925 г.

К этой группе относятся: святые, изображенные на южной стене алтаря: внизу — агиа Марфа (II, 62)¹, Илья, питаемый вороном (II, 61) и святая Евдокия (II, 66); первый ряд святителей до окна (II, 55—60), второй ряд святителей, кончая Григорием Богословом (II, 48—54) и правая половина евхаристии (II, 38—46); в верхних частях храма: спас черепий в замке западной подпружной арки (III₂, 18), евангелист Марк в юго-западном парусе (III₂, 19; II, 20) и праотец Аким в замке южной арки (II, 19); в простенках окон барабана пророки: Аарон (II, 15; III₁, 16), Илья (II, 16; III₂, 14) и Иона (II, 17; III₂, 15); в купольной композиции вознесения — ангел справа от божьей матери (II, 7) и следующие за ним апостолы — Петр, Матфей, Марк, Андрей, Филипп, Варфоломей и Фома (II, 8—13; III₁, 10—12; III₂, 6—10; I, 13); из ангелов несущих ореол — три, расположенные с западной и южной сторон его (I, 2; II, 3—4). Кроме того, архангел Рафаил на южной стене, в люнете (V₁, 16).

Изображения, помещенные в верхних и нижних частях храма, отличаются одни от других по фактуре, вероятно, в связи с учетом расстояния, с которого они видимы зрителю. У верхних светотень резче, лики покрыты сплошь зеленым санкирем, по которому густо и широко проложены желтоватые света. У нижних света положены по локальному желтому цвету; поверх они перекрываются в немногих местах узкими белильными мазками бликов. Краски здесь не такие густые, как у верхних изображений. Неровный широкий красный контур у изображений этой группы почти неразличим в системе живописи ликов; у нижних изображений, местами еще более расширяясь, он образует красные тени, теряя свое основное значение. Черной краской прописаны брови, ресницы, ноздри и т. п.; черным же наносился зрачок поверх голубоватой прокладки белков глаза (у большинства изображений он в настоящее время отпал). Седые волосы написаны узкими, длинными, белильными мазками прядей по зеленой или голубоватой (у нижних) прокладке; у средовеков — желтыми прядями по красному. Особенности в разделке волос: у Василия Великого они красные с черными прядями у евангелиста Марка пряди обозначены длинными желтыми мазками, а поверх них рядом беспорядочных коротких мазков голубоватых белил (проседь). Особенностью фактуры Марфы и Ильи, отличающей их от других изображений алтаря, является плотное желтоватое высветление ликов. Сильно осыпавшаяся краска на их ликах обнажает широко прописанный красный контур, отчего они кажутся красноватыми, написанными по красному санкирю. Лики Ильи и Лазаря несколько выделяются наличием особых бликов по сторонам носа.

Широко и густо пробеленные света одежд создают впечатлительное красочной монотонности, скупоности цвета.

¹ Указания чертежей и номеров, под которыми обозначены изображения в схемах росписи, даны по изданию Русского музея „Фрески Спаса Нередицы“.

Несомненно, все изображения этого стиля исполнены целиком одним мастером.

Надписи у большинства изображений отличаются особым начертанием букв и часто встречающимся окончанием имен на *О*: Марко, Акимо, Иевано, Яково, Авиво. Надписи нижнего ряда святых в алтаре исполнены другим почерком, тем же, что и у изображений на северной стене алтаря. У Акима первоначальная надпись, характерного для рассматриваемого стиля почерка, с окончанием на *О* (Акимо), переписана (Аким) почерком, встречающимся в надписях изображений другой группы.

Манера II группы изображений может быть охарактеризована как графическая, или даже орнаментальная¹. Мясоедову она кажется примечательной „поразительной лепкой“, приближающейся „к манере мозаики апсиды св. Софии Солунской“. Фигуры имеют стройные пропорции, небольшие круглые головы с широкими скуластыми лицами. Маленькие, узкие, широко расставленные глаза с низкими бровями, тонкий с овальным утолщением на конце нос, полные губы и продолговатые уши с одним или двумя выступами внутри—определяют особый тип лица, свойственный изображениям этого стиля. Характерны также небольшие руки, тщательно вырисованные с обозначением мускулов.

Преобладающее изобразительное значение рисунка, тщательно и точно исполненного тонким красным контуром, усиленным затем темно-синей краской, и орнаментальный характер наложения светов тонкими белильными мазками, описывающими скулки, щеки и другие части ликов, обуславливают плоскостность изображений. Наиболее резко орнаментальность стиля проявляется в лицах старцев; особой сухостью и условностью выделяется из них Петр Александрийский (I, 65), что может быть поставлено в связь с его сравнительно большими размерами. Особо должен быть отмечен лик Иоанна Златоуста (I, 44; II, 47), который, сохраняя черты типа и манеру письма общие с другими изображениями этой группы, отличается особой портретностью.

В отношении фактуры изображения второй группы отличаются от предыдущих более жидкими, сочными красками. Здесь также наблюдаются различия в живописи, находящиеся в зависимости от местоположения изображений. Расположенные в верхних частях храма [евангелист Иоанн в северо-восточном парусе (I, 20; II, 18) и апостолы: Павел, Иоанн, Лука, Иаков и Симон (I, 8—12) в купольном вознесении] имеют интенсивно зеленые тени и сочные белильные блики по оставленным желтыми световым частям ликов. Нижние, расположенные на северной стене алтаря [Христос на горнем месте (I, 63; II, 63), Иоанн Предтеча (I, 64), Петр Александрийский (I, 65), мученик в медальоне (I, 68), первый ряд святителей до окна (I, 57—62), второй ряд святителей, кончая Иоанном Зла-

¹ См. мою работу „Один из стилей монументальной живописи XII—XIII вв.“ Сборник I. ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, Л. 1929 г.

тоутом (I, 49—56)] несколько различаются между собою. Часть из них имеет красные притенения и жидко прописанные зеленоватые света (Афанасий, Николай, Климент), у других желтоватые света прописаны по светло-зеленому санкирю. Из последних Петр Александрийский выделяется еще и желтоватыми бликами. У очень многих имеются красные пятна румянца на щеках и красные губы.

Несмотря на некоторые колебания в фактуре и отчасти в рисунке, нет оснований предполагать исполнение немногочисленных изображений этой группы более чем одним мастером, так как отдельные различия, наблюдаемые у того или другого изображения, не повторяются затем вместе с другими, а встречаются в самых разнообразных комбинациях, не разбивая при этом никогда общего характерного типа и не выходя за пределы определенно графической манеры.

Надписи всех этих изображений сходны между собой и, как было указано выше, тем же почерком исполнены надписи у нижнего ряда святых на южной стене алтаря.

III группа. Изображениям этой группы, расположенным преимущественно в верхних частях храма, свойственны грузные короткие пропорции фигур, круглые головы с овальными ликами на тонких длинных шеях. Характерны большие симметричные, т. е. очерченные ровными дугами, глаза, высоко поднятые брови, нижние концы которых соединены горизонтальными черточками с концами глаз, тонкий, длинный, слегка свисающий нос и уши с мочками. Руки небольшие, с короткими пальцами. Ломаные складки одежд приближаются к драпировкам изображений II группы. Можно отметить строгий тонкий рисунок, широкую, но тщательную живопись плотными красками¹.

Из изображений III группы особенной тщательностью исполнения отличаются помещенные на сводах алтаря и на подпружных арках, т. е. в местах, наиболее бросающихся в глаза зрителю [Христос эммануил (I, 31, II, 31; VII₁, 1), ветхий денми (I, 30, II, 30), севастиийские мученики на восточной арке (I, 25—29; II, 25—27), спас на убрусе в замке восточной арки (III₁, 17) и левая половина

¹ Повидимому, некоторые изображения этой группы имеет в виду В. К. Мясоедов, характеризуя следующую за выше перечисленными манеру, как очень уточненную, строгую и замечательно нежную по колориту, но слишком зализанную, которую можно поставить наряду с наиболее шикарной константинопольской манерой. Весьма вероятно, что он соединяет в одну группу изображения по моей классификации различных манер, так как приведенная выше характеристика может быть с известной натяжкой отнесена лишь к части наиболее тщательно выполненных изображений III группы, тогда как другой части этой группы более соответствует его же описание грубой плоской манеры с резкими бликами, VI в его классификации. Характеристика шестой манеры Мясоедова целиком соответствует, но опять таки части лишь изображений V группы моей классификации, другая часть которых ему напоминает некоторые романские фрески Бриксена. Отсутствие в классификации Мясоедова указаний на примеры и весьма приблизительное в данном случае сходство с указанными аналогиями сильно затрудняет сопоставление его выводов с результатами моей классификации.

евхаристии (I, 41—48)]. Широко проложенные тонкие зеленоватые высветления на ликах этих изображений, усиленные затем широкими белильными бликами, выделены еще зелеными притенениями (за исключением эммануила, у которого зеленых притенений нет). Иная фактура у большого изображения знамения божьей матери в рост в конхе алтарной апсиды (I, 33, II, 33), у пророков Моисея, Захарии, Давида и Соломона в барабане (I, 15—17; III₁, 13—15), у божьей матери и ангела слева ее в купольном вознесении (III₁, 6, 9) и у трех ангелов, несущих ореол с северной и западной сторон (III₁, 2, 3; I, 3—4). Лики их прокрыты зеленым санкирем, причем у некоторых на правой щеке оставлено желтое пятнышко — румянец, у Моисея обведенный еще красным полукругом. Широкая пробелка наложена плотными белилами и усилена бликами, почти не выделяющимися на забеленных ликах.

Изображения этой группы также неоднородны в смысле тщательности исполнения. Большой точностью рисунка и тонкостью письма, по сравнению с плоскими грубовато написанными пророками барабана, отличается божья мать в конхе апсиды и ангелы по сторонам ветхого денги (I, 32; II, 29). Херувимы по сторонам гетимасии (I, 35; II, 32) среди изображений на своде алтаря выделяются большей небрежностью исполнения.

Из числа плохо сохранившихся изображений к рассматриваемой группе должны быть отнесены: Христос в ореоле в куполе (I, 1; II, 1), Анна в замке северной арки (I, 19), ангел благовещения на северо-восточном столбе (III₁, 25) и процессия святых, во главе с Борисом и Глебом подходящих к божьей матери в апсиде (I, 36—39; II, 35—38). Стилистическое сходство с хорошо сохранившимися изображениями III группы может быть установлено у вышеперечисленных изображений или по фрагментам, или даже по контурам фигур, ликов того же типа, по манере рисунка и живописи.

Можно отметить большую по сравнению с предыдущими группами интенсивность цвета, доходящую в одеждах до цветистости. Встречаются малиновые одежды с голубоватыми широкими светами.

Ближайшее сходство перечисленных изображений III группы между собой, общий для всех их характер суховатой манеры, надписи с одинаковым начертанием букв, воспроизводящих явно греческое произношение имен, с несомненностью показывают их принадлежность руке одного мастера.

IV группа. По количеству изображений и по занимаемой ими площади является господствующей в росписи Нередицы. Отличается живым рисунком и сочными глубокими тонами жидких красок¹.

Из числа изображений, относящихся к IV группе, можно выделить несколько подгрупп, отличающихся некоторыми особенностями

¹ Вероятно этой группе соответствуют манеры Мясоедова, объединенные им в группу типичных для XII в., за исключением первой и, может быть, последней, о которых говорилось выше. Указываемая Мясоедовым аналогия с одной из манер с фресками Старой Ладуги совершенно не может быть принята.

типа ликов, манеры исполнения и фактуры. Одна из таких подгрупп может быть представлена единоличными изображениями на юго-западном пилоне [Никифор (II, 73), Мартирий III₂, 47), Иоанн Воинко (III₂, 45) и Созонтий (III₂, 46)] и женами диаконника (V₁, 8—15; V₂, 6—11). Для них характерны: большие головы с большими широко открытыми глазами, но с широкими тяжелыми верхними веками, очерченными плавными дугами; довольно большой нос с утолщением на конце, с низко поставленными угловатыми крыльями; приподнятые, слегка раскинутые в стороны и закругленные брови. Контуры лица нарисованы коричневой краской по желтому локальному цвету и поверх усилены черной. Жидко, широко прерисанные желтоватые света перекрыты в наиболее освещенных местах мазками бликов. В тенях легкие мазки зеленой краской. У жен диаконника на правой щеке круглое пятно красного румянца, подчеркнутое загибающимся кверху мазком блика, начатого у крыла носа. Такой же румянец, вместе с очень сходным общим типом, имеют: Анастасия (V₁, 28), жены в проходе юго-западного пилона (V₁, 27; V₂, 14), святые в проходах из диаконника в алтарь (V₂, 12—13) и из алтаря в жертвенник (IV₂, 14—15) и святые нижнего ряда жертвенника (IV₂, 13—16; IV₁, 18—20)¹.

Несомненно, к этой же манере должно отнести и большое поясное изображение Иоанна Предтечи в конце диаконника (VI, 1; V₂, 1), св. Феклу в аркосолии на северной стене западного нефа (IV₁, 37) и архангела Уриила в люнете северной стены (IV₁, 21).

При всем сходстве перечисленных изображений, можно отметить все же некоторые неровности в тщательности исполнения. Так, напр., ангел северного люнета и Никифор отличаются от других большей точностью рисунка, забеленностью и вследствие этого плоскостностью ликов. Такая же забеленность (припудренность), видимо, была и у нижнего ряда жен диаконника, к сожалению, плохо сохранившихся. Следует отметить еще особую утонченность их ликов (особенно Доменики). Евангелист Матфей в юго-восточном парусе (II, 18; III₁, 19), отличающийся поворотом в три четверти, и более густой и резкой фактурой с желтоватыми пробелами, разорванными неровными мазками бликов и густыми зелеными тенями, все же имеет близкое родство с перечисленными изображениями первой манеры IV группы.

Изображения святых на северной стене и северо-западном пилоне несколько отличаются от рассмотренных — прежде всего чертами ликов. Глаза их описаны неровными дугами и ассиметричны, т. е. у дуги, описывающей верхнее веко, уклон к носу круче, а нижнее веко несколько оттянуто в сторону. Такие глаза часто встречаются в ликах, повернутых в три четверти, т. е. изображенных в ракурсе. Можно предполагать, что мастер этой манеры привык изображать лики в повороте и в прямоличные изображения вносит привычные

¹ № 18 — Деметрий, № 19 — Девисей (в иконографическом указателе и схемах в издании Русского музея места их перепутаны).

формы. Брови у этих изображений также сильнее изогнуты, нежели в первой подгруппе, и часто ломаются углом. Нос с узким треугольником переносся здесь еще более тупой с ноздрями на линии конца носа или еще ниже опущенными. Характерны — круглый подбородок, часто с раздвоением вверху, и полные губы. Все эти черты, не столь резко выраженные, встречаются и в других изображениях IV группы.

Основным признаком для выделения особой второй манеры этой группы послужили главным образом особенности в фактуре, а именно, красный санкирь, сплошь покрывающий лики Максима Исповедника (III₂, 35), Иоанна Кущника (III₂, 36) и преподобного Симона (III₂, 37) на восточной стороне и неизвестного преподобного (I, 76) на южной стороне северо-западного пилона, а также красные притенения у Нестора (III₂, 38) и Никифора (I, 78) на том же пилоне, у преподобных над окнами северной стены (IV₁, 24—28), и у пророков по сторонам этих окон (IV₁, 29—30), что не встречается у других изображений этой группы. Впрочем, у некоторых из них красная в тенях сочетается с легкими мазками зеленой. Высветления ликов и здесь, как у изображений первой манеры, желтоватые, жидкие. Чертой, объединяющей перечисленные изображения второй манеры, надо признать еще разделку одежд мелкими угловатыми складками с широкими световыми пятнами на плечах, отличную от разделки одежд первой манеры. Судя по характеру складок и по смежности местонахождения, ко второй манере следует причислить плохо сохранившихся преподобных верхних рядов восточной и южной сторон северо-западного пилона (I, 74—17; III₁, 32—34) и святых на западной стороне этого пилона (VI₂, 1—2). Святые в проходе северо-западного пилона (IV₁, 33; IV₂, 77) также имеют больше сходства с выше рассмотренными, нежели с изображениями в других проходах, отнесенными к первой манере.

Таким образом, единоличные изображения IV группы распадаются на две манеры, каждая из которых, вероятно, свойственна особому мастеру. Вместе с тем, некоторое количество изображений, несомненно, той же стилистической группы, очень трудно отнести к той или другой из этих манер, но и объединить их в особую манеру совершенно невозможно. Это обстоятельство, мне кажется, лишь свидетельствует о большой близости манер, намеченных внутри группы, и, вероятно, дальнейшие внимательные наблюдения дадут основания для распределения между ними оставшихся изображений. К числу их принадлежат мученики на северной (III₂, 25—29; III₁, 20—27) и западной (I, 21—24; II, 21—24) арках, плохо сохранившийся пророк Исаия в барабане (III₂, 16) и святые на западной стороне юго-западного пилона (VI₂, 3, 4).

Совершенно несомненна стилистическая близость с рассмотренными манерами большинства композиций росписи. Сравнивая их между собой, должно отметить поразительное сходство таких, как сретение (IV₁, 31), введение (IV₁, 32), рождество божьей матери

(III₂, 39) и христово (VI₁, 4) и крещение (V₁, 26), выражающиеся в одинаковом принципе симметричной компоновки, в пропорциях и постановке фигур в сдержанном движении, в родстве типов, как мужских, так и, особенно, женских. Напр., тип особенно прекрасного, изящного лика божьей матери в сретении затем повторяется очень близко в типах жен в других композициях и несколько грубее у многочисленных ангелов. Далее, можно заметить поразительную близость в рисунке складок. Особенно ясно это сходство в волнистых складках на подолах движущихся фигур, на колеблющихся покровах на руках ангелов и Симеона, и даже в спокойно лежащем конце мафория Анны в рождестве божьей матери повторен тот же рисунок складок. Совершенно сходна также система живописи всех этих композиций. Жидкое высветление по локальному желтому цвету лика, тонкие блики в немногих местах и в некоторых случаях легкие зеленые притенения, коричневый рисунок с черным усилением, глубокие тона красок — все это весьма близко напоминает рассмотренные выше единоличные изображения. Черты сходства имеются и в типах. Сопоставляя композиции нижних частей храма с расположенными вверху можно отметить лишь более сильные пробелки у последних, объясняющиеся, как и в других случаях, различием расстояния от зрителя. В остальном, распятие (IV₁, 22), снятие со креста (IV₁, 23), воскрешение Лазаря (III₂, 30), сошествие во ад (III₁, 26) вполне соответствуют ранее указанным. Плохо сохранившиеся прото-евангельские сцены в верхней части жертвенника (IV₁, 4—5; IV₂, 2—4; VII₁, 3), судя по контурам и фрагментам живописи, едва ли могут быть выделены особо. То же нужно сказать и о небольшой по размерам и еще худшей сохранности композиции несения креста (III₂, 31), находящейся под воскрешением Лазаря.

Страшный суд, занимающий большую площадь — весь низ западной стены и части прилегающих стен северной и южной (VI₁, 5; IV₁, 34—36; V₁, 29—30), отличаясь более резкой характеристикой ликов, близкой к карикатурным преувеличениям, и более небрежным рисунком, также не может быть выделен особо. Типы его ликов находят полную аналогию в других композициях, где встречаются и подобным образом изогнутые носы, и изломанные брови. Такие лики, как у ангелов страшного суда, через ангелов крещения могут быть с полным основанием сопоставлены с изящным ликом божьей матери в сретении. Характер вычурных драпировок страшного суда тот же, что и у других композиций; отмеченные волнистые складки могут быть здесь указаны у ангелов с весами и у первых двух групп праведников.

Рассматривая многофигурные композиции данной группы, нельзя не заметить некоторой неровности в их исполнении, именно, центральные главные части их выделяются более точным, сдержанным рисунком, в них не встречается тех преувеличений в характеристике и такой небрежности и грубости, как в фигурах второстепенных. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о коли-

честве мастеров, участвовавших в исполнении композиций. Можно предположить, что одним из них был мастер единоличных изображений северного нефа, в манере которого нами была отмечена привычка изображать глаза в ракурсе, которая могла выработаться лишь при исполнении многофигурных композиций с не прямо стоящими, а с повернутыми друг к другу персонажами. У него же наблюдается и резкость в изломе бровей. Но он не мог быть мастером центральных частей композиций, в частности страшного суда. Единственный здесь лик, представленный в фас, — Христа — не имеет сходства ни с одним из единоличных изображений второй манеры. Лик его, с удлинённым овалом, с большими близко поставленными глазами, с треугольным острым переносьем и закруглёнными ноздрями, имеет ближайшую аналогию в ангеле Селафииле в западном люнете (VI₁, 1), который и может быть признан единственным единоличным изображением мастера композиций.

Подводя итоги рассмотрения IV группы изображений, к которой, судя по местоположению, относятся и плохо сохранившееся жертвоприношение Авраама (VI₁, 2) и троица (VI₁, 3) на западной стене, расположенные между изображений несомненно этой группы, приходится признать, что твердого вывода о количестве манер и мастеров, работавших в этом стиле, и точного определения степени их участия в росписи пока получить не удалось. Можно лишь утверждать, что мастеров было не менее трех. В этом направлении необходимы дальнейшие разыскания и наблюдения.

Замечательно сходство в начертании букв во всех надписях при изображениях этой группы, несмотря на работу ряда мастеров. Что они выполнялись все же не одним из них, показывают незначительные различия каллиграфического порядка у отдельных групп изображений, объединяемых единством манеры исполнения.

е V группа. Единоличные изображения этой группы расположены на южной стене, юго-западном пилона, в верхних частях диаконника и в средней части жертвенника¹.

Характерны фигуры воинов, помещенные над окнами южной стены (V₁, 19—23). Длинные торсы, широкие опущенные плечи, маленькие кисти рук с тонкими пальцами, маленькие круглые головы на тонких шеях, овальные, под густою шапкою волос лики

¹ Мясоедов различает 2 пошиба, которые, повидимому, включают в себя изображения V группы моей классификации. Один из них, по его словам, «отличается очень странной не византийской драпировкой складок и плоскими, почти сплошь забеленными лицами и напоминает некоторые романские фрески Бриксона, а особенно те фрески, которые были недавно открыты в церкви S. croce di Gerusalemme в Риме. Другой пошиб, очень грубый и неискusstный, имеет большие точки соприкосновения с росписью капеллы Quattro Coronati в том же Риме». Едва ли можно в действительности делить изображения V группы так, как предложено Мясоедовым. Основная его ошибка заключается в том, что он выделяет в особую манеру некоторые более тщательные изображения этой группы, присоединив к ним изображения совершенно другой стилистической группы, а в оставшихся совершенно правильно усматривает две манеры, но, судя по приведенным характеристикам, неверно распределяет между ними изображения.

с мелкими чертами, круглыми маленькими глазами, низко описывающими их бровями, коротким широким носом, маленьким ртом с полными губами и угловатые уши с слегка выдающимися в стороны нижними концами — типичные черты их, повторяющиеся затем в изображениях святых по сторонам тех же окон (V_1 , 24, 25), у воинов на юго-западном пилоне (III_2 , 40—44; II, 69—72) и у Кирика и Улиты над диаконником (VII_1 , 7, 8). Почти сплошь густо забеленные лики воинов через Кирика, у которого в разбелке имеется уже система, выделяющая тенями надбровные дуги, морщины на лбу и возле носа и рта, могут быть сопоставлены с такими изображениями жертвенника, как божья мать оранта в конхе (IV_2 , 2; IV_1 , 2) и преподобный Зосима (IV_2 , 9). С другой стороны, мученики южной арки (III_2 , 21—23; III_1 , 27—30), весьма сходные по типам с теми же воинами, но имеющие более жидкие прозрачные высветления, тонкие, нанесенные штриховыми мазками белил блики и вместе с тем отличающиеся чистыми нежными красками, соединяют изображения воинов с манерой композиции со спящими апостолами (V_1 , 17), по характеру живописи близко сходной с мучениками южной арки. Фрагменты композиции, расположенной на восточном склоне коробового свода южного нефа (III_1 , 31), имеют также черты сходства со спящими апостолами. Напр., и тут и там одинакова форма голов и глаз, разделка волос такими же кудрями, как у одного из апостолов, и др. Это сходство позволяет предполагать, что и другие композиции этой части храма (V_1 , 18; III_2 , 24) были исполнены в том же стиле. В настоящее время они, к сожалению, почти исчезли. Сюда же должно быть отнесено изображение евангелиста Луки в северо-западном парусе (I, 18; III_2 , 20), исполненного той же сухой, зализанной манерой, по типу до мелочей сходного с фигурой апостола с рукою, обернутой гиматием, прижатой к щеке, вероятно Луки же, в композиции со спящими апостолами. Характерные орнаменты на зданиях по сторонам евангелиста Луки повторяются в композиции тайной вечери. Судя по сходству горки в композиции беседы Христа с учениками на южном склоне западного короба (II, 68) с горкою в композиции со спящими апостолами, а также по разделке карниза здания в соседней композиции явления Христа Луке и Клеопе (II, 67) городками, такими же, как в тайной вечери и в зданиях возле Луки, вероятно предположение об их принадлежности к той же стилистической группе, тем более, что и деревцо, сохранившееся в композиции явления Христа, значительно отличается от имеющихся в композициях IV группы.

Типологическое сходство перечисленных изображений подкрепляется сходством свойственной им живописной манеры. Если в верхних изображениях мы видим более жидкую разбелку и прозрачные тона притенений, а у воинов разбелка плотнее и шире и притенения глуше, то характер тонкого, сухого контура и тут и там один и тот же. Одинаковы и узкие мазки бликов, часто наложенных двумя параллельными линиями. Все это позволяет перечисленные

выше изображения объединить не только стилистически, но и по манере, приписать их исполнение одному мастеру.

Лучше других сохранившиеся композиции из цикла жития Иоанна, предтечи ($V_1, 2, 5-7$; $V_2, 3-5$), исполненные в одной манере, представляя близкие типы и сходную манеру с выше очерченной группой изображений, отличаются от них примитивностью композиции, грубостью исполнения и особыми поперечными складками одежд. Вполне сходные с ними изображения можно видеть в жертвеннике, в святых предстоящих божьей матери знамение ($IV_1, 1$; $IV_2, 1$). Другие изображения этого рода в жертвеннике—преподобные ($IV_2, 11, 12$) и ряд над ними ($IV_1, 7-17$)¹, сохраняя общий для всей группы тип, отличаются неровностью исполнения, то приближаясь к отнесенному нами к кругу изображений южной стены Зосиме, то к таким, как Акакий, Бенедикт и Оксентий с их чрезвычайно грубо сплошь забеленными лицами, сбитым рисунком, но тем не менее представляющих много общего с предстоящими божьей матери и ликами из житийного цикла.

Таким образом, V группа распадается на две манеры. Однако, соотношение их между собой, по видимому, иного рода, чем у манер IV группы. Прежде всего следует отметить наличие особенностей в первоначальном контурном рисунке некоторых изображений V группы. Если в других группах обнажившийся вследствие осыпания краски первоначальный контур дает лишь общие очертания голов и ликов, то здесь мы имеем намеченными и черты лица—глаза, нос, рот и притом вырисованные довольно тщательно и точно. Судя по тому, что такого рода первоначальные рисунки встречаются рядом с изображениями, исполненными более грубою манерою V стиля, мы в праве предполагать, что изображения, от которых они сохранились, были исполнены в той же манере. Но, с другой стороны, точность первоначального рисунка и сбитость формы в законченных изображениях плохо вяжутся между собой. В виду этого вероятно предполагать, что первоначальный рисунок исполнялся мастером, у которого он играет большую изобразительную роль в законченных изображениях, т. е. мастером южной стены, первой манеры V группы. Если это принять, то вполне правдоподобно видеть между двумя мастерами V группы отношение мастера и ученика или подмастерья, вследствие которых ученику поручалось исполнение известной части работы, а иногда давалась возможность и целиком закончить изображение в неответственном месте. Тогда находят объяснение и сходство изображений жертвенника с южной стеной и большая неровность в исполнении.

Надписи во всем круге изображений этой группы очень близки между собой и резко отличаются от других.

В дополнение нужно отметить красную прокладку в лике Кононо, вероятно, здесь имеющую значение иконографической осо-

¹ Неизвестный преподобный, обозначенный на чертеже IV_2 под цифрой 10 в издании Русского музея, поставлен здесь ошибочно. На самом деле в этом месте имеется лишь одно изображение—преподобного Зосимы.

бенности, и принадлежность к этой же группе композиции явления Христа двум женам, помещенной над диаконом (VII₁, 6). Последнее доказывается сходством фигур, рук и разделки одежд в сохранившейся части композиции с изображениями V группы.

Оставленные до сих пор не рассмотренными композиции по северному склону свода западной части среднего продольного нефа: предательство Иуды (I, 69), заушают за ланиту (I, 70), расположенные в верхнем ряду, преображение (I, 71) и вход в Иерусалим (I, 72) в нижнем — очень плохой сохранности и недоступны для ближайшего изучения. Изломанные брови, большие глаза, а также характерные черты профильных фигур и тонкие руки сближают их как будто бы с композициями IV группы.

Ктиторская композиция с изображением Христа и князя с храмом в руках, с большой надписью между ними (V₁, 31), находящаяся в аркосолни на южной стене западного нефа, уже первым впечатлением увеличенной миниатюры отличается от других изображений стенописи, монументальных, несмотря на известную графичность некоторых стилистических групп. И у Христа, и у Ярослава можно отыскать отдельные черты, сходные с изображениями IV и V групп, но их совершенно недостаточно для отнесения этой композиции к какой-нибудь из них. К тому же и тональность более блестящих плотных красок здесь иная, нежели в других частях росписи. Конечно, нужно учесть засвидетельствованный Прохоровым и другими факт позднейшей записи этой композиции. При этом тип лица князя был значительно изменен, а на одеждах Христа процарапаны графы, обозначающие рисунок складок. В результате записи и последующей размывки к настоящему времени от лика Христа почти ничего не осталось, а у князя исчезли пробела, и трудно установить их расположение и характер. Несомненно, что у него на обеих щеках были пятна румянца, а верхние веки подкрашены красным, что совершенно не встречается в других изображениях Нередицы. Не раз высказывалось предположение, что надпись, восхваляющая строителя церкви, с пожеланием ему царствования небесного, не современна росписи храма, а написана после смерти Ярослава, в XIII веке. Принимая во внимание особый характер композиции в целом, вполне вероятно, что не только надпись, но вся она написана позже остальных частей росписи. Известная же близость ее с рассмотренными группами изображений показывает, что разница во времени исполнения не могла быть большой¹.

¹ Позднейшие подновления коснулись не только ктиторской композиции, но могут быть указаны и относительно других изображений. Несомненно были записаны лики центральной части страшного суда и некоторые части сретения и введения. Сравнение фотографий Чистякова, снятых до размывки, с современным состоянием указанных частей росписи показывает, что они были записаны довольно сильно и, судя по характеру коротких движений, не слишком рано. Позднейшие записи были и в других местах. Следы усердной отмывки росписи остаются разноцветные потеки во многих местах на стенах храма.

Раньше чем сделать основные выводы, несколько соображений о технике Нередицкой росписи в целом. Совершенно несомненно, что она исполнялась по сырой штукатурке, наложенной частями, горизонтальными полосами. Как правило, нижняя полоса покрывает часть верхней, образуя легко различимый шов. В местах, где отколовшаяся штукатурка открывает прикрытую ею часть верхней полосы, видно, что последняя была записана раньше наложения следующей нижней полосы. В некоторых местах шва налегающий слой штукатурки покрывает не только части обрамления или зеленой почвы, но и концы ног выше расположенных изображений, затем дописанных или подправленных уже по покрывающей их следующей полосе штукатурки. В тех случаях, когда площадь горизонтальной полосы большая, она разбивается на участки вертикальными швами, показывающими определенную последовательность как в наложении штукатурки, так и в исполнении росписи. Размещение одиночных изображений и композиций одной манеры группами, объединяемыми на стене цельным участком штукатурки, а также выдержанность взаимной связи определенного типа лика с не менее характерной разделкой одежды и даже с почерком надписи свидетельствуют, что если не все, то большинство изображений исполнялись от начала до конца каждым мастером, причем этот мастер целиком записывал заготовленную для него площадь штукатурки. Ясно, что площадь не должна была превышать возможного к покрытию живописью, пока еще штукатурка сырая, если это живопись действительно *al fresco*.

Представление о возможных размерах площади для фресковой живописи дает композиция страшного суда на западной стене, разбитая на 5 участков, покрытых штукатуркой и живописью в известной последовательности. Центральная часть ее, самая большая, достигает 13 кв. метров и вмещает 27 фигур. Если даже допустить участие в работе здесь не одного, а двух мастеров, что весьма трудно в отношении апостолов и ангелов, тогда как исполнение центрального деисуса, особым мастером вполне возможно, то и тогда быстрота исполнения, даже при условии небрежной, как здесь, работы, поразительна¹.

Совершенно очевидно, что живопись Нередицы производилась так же, как подметил Дидрон при работе Иосафеев в Есфигмене и как делали недавно еще иконники. Достигая экономии времени и материалов, они всякую краску сразу наносили на все те места, где она нужна, одновременно исполняя не одно, а несколько изображений. Исходя из этого, становится понятным, почему изображения отдельных мастеров на стенах нередицкого храма всегда расположены группами, обычно занимая всю площадь за один прием наложенной штукатурки.

Весьма вероятно, что контур, покрывающая фон рефты и первоначальные прокладки, написанные по сырому, затем дописывались

¹ Штукатурка подсыхает в среднем через 8 часов.

уже по подсохшей, смоченной, может быть, штукатурке, следствием чего, возможно, и является осыпание краски.

Собственно говоря, осыпание краски может быть объяснено и из характера самой техники работы. При живописи по сырой штукатурке в непосредственное соединение с ней входят лишь первые слои покрывающей ее краски, а каждый последующий слой присоединяется к нижележащему. Поскольку состав грунта и краски однороден, так как к каждой краске прибавляется при письме известь, поскольку стена остается во время работы влажной, при высыхании штукатурки одновременно с нанесенной на нее краской между штукатуркой и живописью образуется органическая связь, обеспечивающая прочность живописи. Однако верхние краски, как это часто наблюдается в Нередице, слишком густы, а, следовательно, грубы для того, чтобы вступить в прочное соединение и потому осыпаются. Затем, надо иметь в виду, что некоторые краски накладываются вообще лишь после того, как стена высохнет—в том числе лазурь, боящаяся плесени. Правило класть лазурь на сухую стену есть уже у Феофила, монаха, написавшего в XII в. „Записку о различных искусствах“¹. Поэтому вполне понятно, что голубые фоны в Нередице почти исчезли и осталась одна черная рефть, которой была предварительно покрыта под голубую краску еще сырая штукатурка.

Итак, на основе стилистической классификации росписи Нередицы можно утверждать, что в исполнении ее, не считая ктиторской и сходных с нею наружных композиций, принимали участие не менее восьми мастеров. Каждый из них расписал определенную часть храма и не только изображениями святых, но и орнаментами. Довольно многочисленные орнаменты Нередицы, покрывающие тыльные стороны арок и откосы окон, поддаются классификации применительно к изложенному выше делению по стилистическим группам.

Однообразие приемов, свойственное каждому живописцу, позволяющее сравнительно легко отличить его манеру от других, объясняется самым характером фресковой живописи, ее трудностями, зависящими хотя бы от того, что время работы ограничено известным кратким сроком, что материал груб и капризен, а результат виден лишь по высыхании, когда поправки уже мало действительны. При этих условиях мастеру нужен солидный навык, и ничто, кроме него, ему помочь не может. Понятно, что каждый мастер неизменно держится одной и той же техники, довольствуется немногими испытанными составами. Долговременною практикою вырабатывает он свой способ или, иначе говоря, манеру и везде применяет ее в неизменном виде. Вот почему все его произведения так однообразны и так отличны от произведений других мастеров. Но как ни своеобразна манера отдельного мастера, все

¹ E. Berger, Beiträge zur Entwicklungs-Geschichte der Maltechnik, München, 1897, III Folge, p. 41.

же она включается в границы определенной стилистической манеры, формы которой обязательны уже для ряда мастеров и объясняются не только различиями в технических приемах, но и различными условиями образования и развития данного стиля. Объединяя сходные манеры, мы различаем в нередицкой росписи пять стилистических направлений. Однако, между некоторыми из них можно заметить близкое сходство. Так, если изображения I и II групп стоят особняком, первые выделяясь своею исключительною живописностью, а вторые орнаментальностью, то остальные, занимая промежуточное между ними положение, имеют много точек соприкосновения. III и V группы особо сближает свойственная им суховатая с оттенком некоторой графичности, но живописная по существу, манера.

Распределение поверхностей храма между отдельными мастерами весьма показательно. Несомненно, что оно производилось в связи с учетом качеств каждого мастера. Занимающие центральные, наиболее видные и важные по иконографическому содержанию места могут рассматриваться как признанные выразители художественных вкусов среды создателей храма.

Классификация Нередицы по стилистическим группам, обогащая наши знания художественных форм древнерусского искусства, выдвигает ряд новых вопросов. Нужно выяснить отношение росписи Нередицы уже не как целого, а каждой стилистической группы ее в отдельности, к другим памятникам искусства, определить генезис и пути развития различных стилистических течений, отыскать круг родственных каждому такому течению памятников, что, в свою очередь, даст возможность судить о путях распространения художественных форм, совпадающих с направлением культурного и социального взаимодействия отдельных миров и обусловленных их внутренним социальным развитием. Кроме того, классификация росписи Нередицы позволяет нам вскрыть социальную организацию живописного дела, как одного из средневековых ремесел, другими словами — вводит в понимание одного из наиболее темных и мало поддающихся изучению на основе других исторических источников вопросов истории древней Руси. Подготовкою материалов для решения намеченных вопросов и является настоящая работа.

ДЕКОРАТИВНАЯ ЖИВОПИСЬ НОВГОРОДСКОЙ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЫ

Одно из древнейших гражданских зданий Новгорода — здание т. н. Грановитой Палаты — является и одним из наименее изученных. Несмотря на неизменное и естественное внимание многочисленных описателей Новгорода¹, оно не имело до последнего времени ни ясного архитектурного понимания, ни даже установленной даты постройки.

Уяснению истории здания должно помочь исследование данных, заключающихся в нем самом, в частности, исследование остатков его росписи.

Следов древней росписи в помещении собственно Грановитой Палаты не сохранилось или, во всяком случае, неизвестно. Настенная живопись имеется в т. н. сенях Палаты,² т. е. ее южной пристройке, в настоящее время кирпичной, а до начала XIX столетия бывшей деревянной.

Касаясь росписи сеней, описатели Грановитой Палаты отмечали лишь древнее изображение спаса, находящееся в нише стены направо от входа в Палату. Немногие, кроме того, упоминали находившееся на стенах сеней изображение обороны Новгорода в 1170 г., позднего времени. Кажется, один архим. Макарий, описатель внимательный и подробный, отметил изображение, находящееся по левую сторону входных дверей, также в нише стены³.

Это — известная композиция деисиса, осложненная в данном случае включением местных новгородских „святых“. В дошедшем до наших дней виде роспись левой ниши представляла совершенно новую, не имеющую значения живопись конца XIX-го или даже начала XX-го века. Но уже названный выше описатель догады-

¹ Из описаний или даже упоминаний памятника, относящихся к XIX веку, в сущности, необходимо учесть Н. Н. Муравьева „Исторические исследования о древностях Новгорода“, СПб. 1828; И. Н. (Еронова) „Трое суток в Новгороде“, СПб. 1842; архим. Макария „Описание Новгородского архиерейского дома“, СПб. 1857; В. С. Передольского „Новгородские древности“, Новг., 1898, — как основанные на личном знакомстве с памятником. Огромное большинство остальных авторов повторяет перечисленных.

² Остатков росписи нижнего и верхнего этажей западной части архитектурного комплекса мы не касаемся.

³ Макарий. Описание Новгородского архиерейского дома. СПб. 1857 г., стр. 30

вался, что изображение „первоначально было писано в начале XVII в.“.

Пробное раскрытие росписи в нишах сеней, произведенное в 1930 году экспедицией ЦГРМ по инициативе Новгородского Музея, обнаружило, как и ожидалось, под новою живописью наличие более ранней. В частности, в левой нише под верхним слоем масляной живописи оказались еще два тождественных по сюжету, т. е. содержащих ту же композицию деисиса — один времени начала XIX-го, другой времени XVII-го столетия.

Содержание еще более древнего слоя живописи, вскрытого под слоем XVII-го века, было неожиданным. Под лицевым изображе-

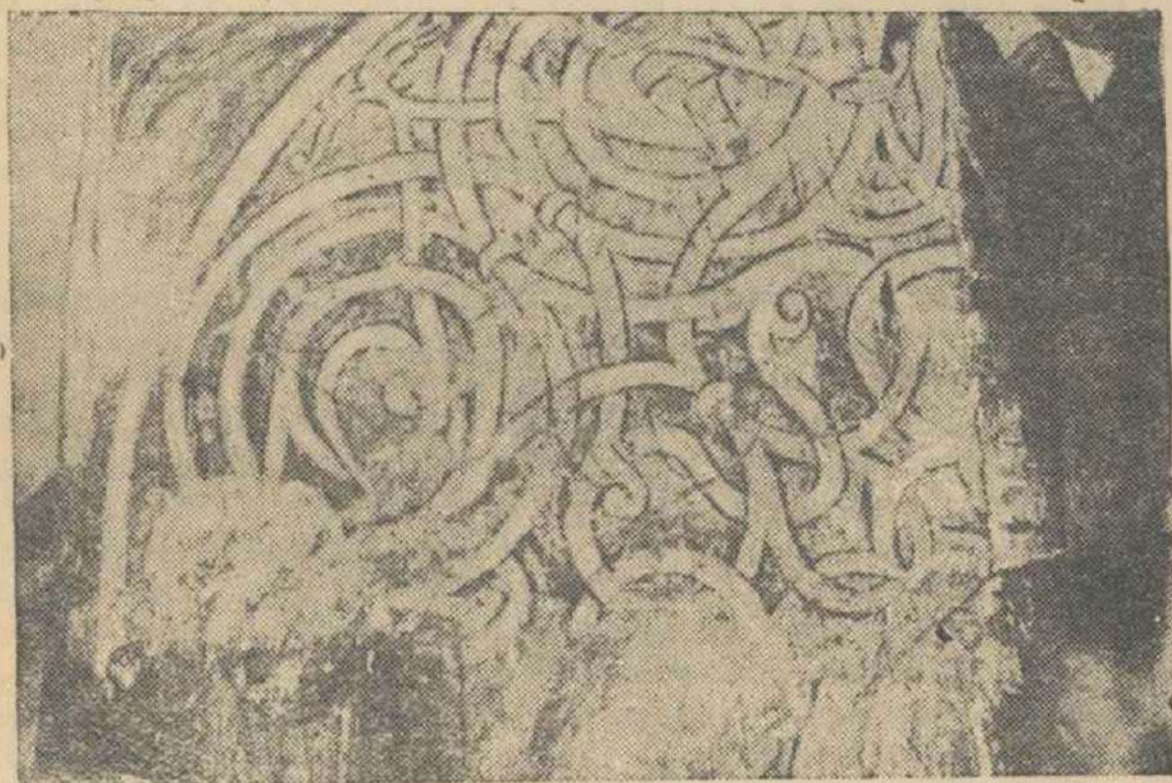


Рис. 9. Декоративная живопись Грановитой Палаты.

нием деисиса оказалась светская орнаментальная роспись. Раскрытая часть орнамента позволяет установить его характер в целом. Фреска дает редкую для стеновых росписей *розасу*, составленную из сложного плетения стебля аканта и вписанную в окружность. Розаса, диаметром 1,54 м., заполняет собою центр ниши.

Значение открытой в сенях Грановитой Палаты необычайной росписи было высоко оценено ученой наблюдательной комиссией. Названный в протоколах „плетенкой“, орнамент был отнесен к XII веку, причем часть членов сочли орнамент византийско-славянским, другие скандинавским.

Ближайший анализ орнамента не подтверждает, однако, ни отнесения его к кругу скандинавских влияний, ни датировки XII веком¹.

¹ Ср. доклад Ю. А. Олсуфьева.

Элементами, позволяющими правильно осветить вопрос о происхождении и времени нашего орнамента, могут послужить его внешний мотив и характер построения. Мотивом плетеного орнамента Грановитой Палаты является, несомненно, не жгут и не лента, а стилизованный стебель аканта, доказываемый присутствием на нем побегов и нераскрытых листков. Построение орнамента, точнее его рапорта, основано на спиральном расположении акантового стебля.

Рапортом орнамента Грановитой Палаты может быть сочтена одна из четырех составляющих его фигур, в свою очередь состоящая из двух спиральных витков. Витки обращены спиралями друг к другу, расположены симметрично, и касаются каждый своею наружною дугою второй дуги другого, причем места соприкосновения дуг схвачены кольцами. В целом фигура, образуемая переплетающимися стеблями, напоминает восьмерку. Концы стеблей, выступающие за пределы „восьмерки“ по направлению к центру розасы, образуют тройную петлю и в месте среднего переплетения также скреплены кольцом.

Орнамент, характеризуемый описанными чертами новгородского, т. е. основанный на мотиве акантового стебля и построенный в виде переплетающихся спиралей, повидимому, несвойствен скандинавскому искусству¹.

Напротив того, тип его является обычным и широко распространенным среди памятников византийских, кавказских и русских². Время их падает на кон. XIV и XV вв.

Ближайших аналогий нашему орнаменту следует искать среди русских орнаментальных памятников XV-го века, сопоставление с которыми позволит, повидимому, правильно поставить вопрос о нем и уточнить его хронологическую датировку. В первую очередь аналогии могут быть найдены в широко орнаментированных бытовых предметах, преимущественно металлических, притом в особенности на местах, задававших мастеру для оформления сходное с нашим по очертанию пространство — круглое или полукруглое — каковы поддоны, мишени, клейма, полки, жуки и т. п.

Очень близкий к нашему по мотиву и построению орнамент дают литые серебряные жуки оклада евангелия Федора Андреевича (Кошки), 1392 года, Гос. Загорского Музея³. Стебли орнамента, соединенные в каждом рапорте попарно, расположены здесь, как и в нашем, встречными спиралями. Сходство приема усиливается скреплением дуг двумя кольцами.

¹ См. Лоренц. Орнамент всех времен и стилей. 1898; K. Mühlke. Von nordischer Volkskunst, 1906; Scheltens. Die altnordische Kunst, 1923; I. Strzygowski. Der Norden in der bildenden Kunst Westeuropas, 1926.

² Г. Гагарин. Сборник византийских и древнерусских орнаментов. СПб. 1887; В. Стасов. Византийский и древнерусский орнамент. 1884; Н. Лоренц. Орнамент всех времен и стилей, в 10 выпусках. СПб. 1898; Н. Сырейщиков и Д. Тренев. Орнаменты на памятниках древнерусского искусства. М. 1904.

³ Описание древнего церк. серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII века). Изд. Гос. Сергиевского Ист.-худож. музея, 1926 г., стр. 154, тбл. I (рис. 2).

Из памятников новгородского происхождения, представляющих столь же близкую аналогию нашему орнаменту, может быть указан серебряный ковш новгородского посадника Григория Кирилловича (Пасахно), первой половины XV-го века¹, в том же собрании. Серебряная литая прорезная пластинка на полке ковша дает новый пример орнамента, принципиально сходного с нашим, образованного также из двух завивающихся встречными спиралями акантовых стеблей с усиками².

Григорий Кириллович, прозванный Посахно, был новгородским посадником в 1428—1436 г. г.³ и в тридцатых годах строил каменные сооружения в Кремле⁴.

Отнесение орнамента Грановитой Палаты к XII веку объясняется тем, что мысль авторов предположения находилась в плену обычных представлений о здании Новгородской Грановитой Палаты, связывавших ее постройку с именем новгородского архиепископа Иоанна — Или (1165—1186 г.), следовательно с XII веком. Это представление было общим почти для всех описателей Новгорода. Между тем, название корпуса „иоанновским“ не имеет древней традиции и, повидимому, ведет начало не от постройки здания Иоанном, а от устройства в здании церкви в его честь, т. е. факта позднего (1822 г.). В этой связи представляется не случайным то обстоятельство, что ранний описатель Новгорода — Н. Н. Муравьев, служивший в Новгороде в 1815—1819 г. г., следовательно знавший корпус до устройства в нем иоанновской церкви, совершенно не связывает здания с именем арх. Иоанна и XII веком, не называет его „иоанновским“ и относит его постройку к 1350 г.⁵

В самом деле, оснований для отнесения здания к XII столетию не существует⁶. В Новгородских летописях сообщений об этом нет. Архитектурного анализа здания, в сущности, до последнего времени не делалось. Многочисленные описатели памятника не понимали дошедшего до XIX в. архитектурного комплекса. Один из позднейших и добросовестнейших исследователей новгородских древностей, П. Л. Гусев, специально описывавший иоанновский корпус, вовсе отказался определить его план и высказать какое бы то ни было заключение о здании⁷. Вопрос о здании

¹ Описание серебряных ковшей (формы ладьи) б. Троице-Сергиевой Лавры. 1925 г., стр. 5—10.

² См. воспроизведение — Ю. А. Олсуфьев. Об изменениях в русском орнаменте в эпоху возрождения. 1925, рис. I.

³ К а л а й д о в и ч. Опыт о посадниках Новгородских. 1821, стр. 238.

⁴ I Н. Л. под 1433 г.

⁵ Н. Н. Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб. 1828, стр. 44, прим. 3.

⁶ Приурочивать здание Грановитой Палаты к постройкам кн. Мстислава Владимировича 1116 года, как то предположительно сделал архим. Макарий (н. с. стр. 10) и за ним безоговорочно повторил ряд авторов, конечно, произвольно и безосновательно.

⁷ Петр Гусев. Иоанновский корпус Новгородского владычного двора, как памятник искусства. „Труды XV Археолог. Съезда в Новгороде 1911 г.“. Том I, М. 1914, стр. 228.

Новгородской Грановитой Палаты, как памятнике архитектуры, только в самое последнее время поставлен, видимо, правильно¹ в смысле отнесения его к строительству арх. Евфимия II (1429 — 1453 гг.) и приурочения к летописному сообщению 1433 года.

В таком случае датой древней живописи Грановитой Палаты может быть принят 1441 год, когда „подписана бысть полата большая владычня и сени пережнии“².

¹ А. Строков и В. Богусевич, „Новгород Великий“. Л. 1939, стр. 127 — 128.

² I. Новг. Лет.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В с. РАКОМЕ

Дер. Ракомо — это подгородное княжеское имение X—XI вв. Она перестала быть княжеской, вероятно, в связи с событиями в Новгороде 1136 года, в результате которых новгородский князь лишился своих земельных владений на новгородской территории.

Подгородные княжеские имения в Киевской Руси явление обычное. Но тем не менее нельзя сказать, что эти факты древнерусской жизни хорошо изучены. Следует даже подчеркнуть, что именно они исследованы чрезвычайно мало. Объясняется это тем, что письменных источников для изучения вопроса совсем недостаточно, а археологи почти не касались этого предмета. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что кроме Боголюбова, подгородного имения Андрея Боголюбского, археологически не обследовано сколько-нибудь полно ни одно из княжеских имений.

А между тем от изучения этих имений-замков зависит в значительной мере наше представление о материальной базе князей X—XI вв. и об отношении князей к земле, т. е. в конечном счете решает вопрос о времени утверждения феодальных отношений в Киевской Руси.

Отсюда важность археологического изучения дер. Ракомо.

* * *

Село Ракомо встречается в летописи под 1016 годом в связи с пребыванием в Новгороде Ярослава — представителя власти Киевского князя Владимира. „В Новгороде же тогда Ярослав кормяше Варяг много, бояся рати; и начаша Варязи насилые деяти на мужатых женах. Ркоше Новгородьци: „сего мы насилья не можем смотрити“; и собращася в ночь, исекоша Варягы в Поромоне дворе; а князю Ярославу тогда в ту ночь сушу на Ракоме“¹.

Это упоминание Новгородского летописца и сохранившееся название „Ракомо“ современной деревни, расположенной в семи километрах на юг от Новгорода неподалеку от озера Ильмень и побудило искать это древнее поселение в пределах именно этой деревни. В 1938 году мною была тщательно изучена местность. Нужно сказать, что отдельные возвышенные места, как в самой

¹ I Новгородская летопись.

деревне, так и рядом с ней, а также следы пересохшей речушки „Ракомки“, указывали на необходимость проведения разведывательных работ. Наиболее обещающей искомые результаты оказалась площадь рядом с новой церковью в центре деревни. С восточной стороны выбранного участка ясно видны следы вышепоименованной речушки.

В 1939 г. в июле месяце этот участок был исследован. Заложённые в двух местах разведывательные раскопы дали большое количество керамики, сделанной как на гончарном круге, так и лепной. Отдельные фрагменты керамики орнаментированы (волнистый, горизонтальный и зубчатый орнамент) и различны по форме. Керамика отличается от новгородской более грубой работой.

Кроме керамики найдены: часть ножа, кованые гвозди, грузила, части сковороды и деревянной ложки. Ниже в материке, в разведывательном раскопе на северо-запад от церкви, был обнаружен большой очаг, исследование которого оставлено до следующего года. Глубина культурного слоя в среднем 1 метр.

Изучение обнаруженного материала подтверждает, что княжеская деревня „Ракомо“, отмеченная летописцем под 1016 годом, была именно здесь.

В разведывательном раскопе принимала участие и/сотрудница Новгородского музея Сорокина О. И. и пять человек рабочих, временно снятых с раскопа, производившегося мною в Новгородском Кремле. Кроме перечисленных, в составе экспедиции в течение одного дня принимала участие и/сотрудница Московского Исторического музея Тараканова С. И., работавшая в это время в экспедиции Арциховского в Новгороде.

В 1940 году раскопки Ракомской деревни будут произведены под наблюдением и общим руководством академика Б. Д. Грекова на возможной площади не менее 400 квадратных метров.



ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Строков А. А., Ботусевич В. А. и Мантейфель Б. К.</i> Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 году	3
<i>Тихомиров М. Н.</i> Рукописи Новгородского Музея	18
<i>Артамонов М. И.</i> Мастера Нередицы	33
<i>Порфиридов Н. Г.</i> Декоративная живопись Новгородской Грановитой Палаты	48

СООБЩЕНИЯ

<i>Строков А. А.</i> Археологические разведки в с. Ракоме	53
---	----

Цена 4 руб.

230